

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Сущность Эф

Мария Фомальгаут

Сущность Эф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38270201

ISBN 9785449349286

Аннотация

Объекты Бэ, Це, Эф и Икс. Нет, не объекты. Тоже сущности. И Бэ, и Це и Эф – сущности. Это точно. А вот насчет Икс – весьма сомнительно, вроде бы объект, но какие-то задатки сущности есть. Нет, все-таки объект.

Содержание

Потерянная асимптота	6
Лето спектра O	8
Боу	20
Юджин	31
В количестве 61 штука	37
Вышел Месяц из Тумана...	43
Сущность Эф	52
Стоп, снято	78
1	78
2	79
3	80
4	82
5	83
6	86
7	87
8	93
9	95
10	99
11	102
12	106
13	107
14	113
15	119

16	120
17	122
18	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Сущность Эф

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-4928-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Потерянная асимптота

– Вы рискуете потерять асимптоту.

Это мне сказали.

Кто сказал?

Не знаю.

Передо мной никого и не было.

– А?

– Вы рискуете потерять асимптоту.

– Это... это вы мне зачем говорите?

– Это я вас предупреждаю.

– З-зачем?

– Не знаю. Мое дело – предупредить.

– А что за асимптота такая?

Он уже не ответил, его уже не было, да был ли он вообще.

Делать нечего, я вышел из дома и отправился в ближайший бар и рассказал всем завсегдатаям, что мы рискуем потерять асимптоту. Завсегдатаи ничего не поняли, но согласились, что если рискуем, то надо постараться не потерять. Правда, были и такие, которые начали кричать, что нечего волноваться, подумаешь, асимптота, и без асимптоты проживем, мало ли. Но их никто не слышал. На мое счастье местные полицейские тоже согласились, что асимптоту терять нельзя, что бы это ни было. Мы развесили объявления, что потеряна асимптота – но тут же спохватились, что асимптота еще

не пропала. Я выходил на улицу и смотрел в небо – но, сколько я ни вглядывался, я не видел никаких асимптот. Я даже приходил в обсерваторию и смотрел в телескоп – но космос тоже не показывал нам ни намека на асимптоту.

А на следующий день асимптота исчезла. Я не видел, как это произошло – и никто не видел. Просто мы проснулись, мы, все в городе, и поняли – асимптоты больше нет. Вот теперь, как нельзя, кстати, пришли объявления, на которых было написано, что асимптота пропала – мы развесили их везде и всюду. Полицейские опросили свидетелей – но никто ничего не знал. И что-то подсказывало мне, что асимптота потеряна навсегда.

Оставалось только найти того, кто говорил нам про асимптоту и расспросить его, что именно мы потеряли...

Лето спектра О

Этим летом Тимка точно решил изобрести такую машину, которая сделает так, чтобы лето не кончалось. Никогда. То же самое Тимка обещал себе прошлым летом и позапрошлым, и поза-позапрошлым, когда еще в садик ходил – вот точно изобрести машину. Он обещал себе так каждое первое июня. А потом начиналось лето, нет, не так – лето-о-о-о! – и не так, а – ЛЕТО – О-О-О-О! – и столько всего нужно было переделать, столько-столько всего, а Леха играть зовет, а за гаражами ежика нашли, а по гаражам попрыгать, а Леха старый бак нашел, а тьам ракету можно сделать, а давайте на Марс, да ну, нафиг, на Марс, давайте на Сникерс, да сам ты Сникерс, идиотище, нет такой планеты, а в парке сладкую вату дают, а в кинотеатре «Черный Мститель» идет, ну ма-а-ам, ну пожа-а-алуйста, да как денег нет, да знает Тимка, что есть... а... а как первое сентября? А почему? А уже? а... а все?

Вот так Тимка и не успевал сделать свою машину, ни разу не успевал, даже не начинал. А зря, Тимке же за такую машину все человечество спасибо скажет, и памятник поставят...

Так что этим летом Тимка твердо решил сделать такую машину. Вот прямо с первого июня. Вот прямо сейчас. Вот зря, что ли, выставили на помойку круглый бак, вот Тимка в нем все и сделает, вот пружины добавит из дивана старого,

Тимка на картинке какой-то видел, там из умной машины пружины торчали. Ну и лампочек добавит, дома выкрутит, пока мама не видит, и еще...

– Брось дрянь всякую!

Это мама. Ну, мама всегда все портит, вот нейдет ей, за руку схватила, домой тащит...

– Тимка, а там твое разломали всё!

Это Леха.

Тимка бежит, быстро-быстро-быстро, себе не верит, как разломали, почему, зачем, он же так старался, Тимка-то, он и стрелки всякие часовые добавил, и много еще чего, чтобы как на картинках, чтобы заработало...

Смотрит.

Не верит себе. Как сломали, почему сломали, разбросано все, раздавлено, стекла побиты...

– А мальчишки большие сломали...

Леха говорит так, и фыркает. Тимка на Леху смотрит, и понимает, Леха сломал, как пить дать, Леха, вот ведь скотинище...

– Ах ты...

И на Леху кидается. Мир кувырком летит, удары сыплотся со всех сторон, Леха больше, а Тимка все равно Леху под себя подмял, и по башке лупит...

– Ты у меня на улицу вообще больше не выйдешь!

Это мама Тимкина.

– Да ладно тебе, мужик растет...

А это папа Тимкин.

А Тимка отвернулся, чтобы папа не видел, что у Тимки глаза на мокром месте, и слезы утирает, да как же – машина-то вот-вот и заработала бы, а тут...

– Тимочка, вставай!

Тимка сонно оглядывается, а что такое, а почему вставай...

– В школу опоздаешь.

Тимка смотрит, а почему гладиолусы на столе, а почему форма школьная, а как первое сентября, а почему, а зачем, а вчера же июнь был, десятое, или какое там, да никакое там, лето, оно и есть лето, там никаких чисел нет, только – лето-о-о-о-о!

А тут нате вам – первое сентября.

Тимка за партой сидит, вспоминает, было же лето, да как было, ничего не было, всего-ничего, несколько дней. Мало было лета, ой, мало, на всех не хватало, его всегда на всех не хватает, только во вкус войдешь, и – слезай, видишь, другие дети ждут, и Тимка ревет, хочу-хочу-хочу, мне-е-е, и взрослые хлопчут, да как тебе не сты-ы-ыдно, а ты о других поду-у-у-ма-а-а-ал...

Вот так вот.

Лета, его всегда мало бывает.

А тут и вовсе всего-ничего было.

Домой Тимка плетется, до сих пор поверить себе не может, как так лета не было, вдруг потерялось где-нибудь или

спряталось где и спит, клубочком свернулось, нос хвостом укрыло, вот сейчас Тика его окликнет – лето-лето-лето, вот оно и выскочит, и выпрыгнет, и хвостом замашет...

А нету.

Тимка заглядывает за гаражи, просто так, ни на что не надеется, просто на чудо, а вдруг – а там тоже ничего, машина тимкина недоделанная, и...

Стоп.

Какая недоделанная, какая недоделанная, очень даже доделанная, кто-то доработал, винтики-гаечки-шестереночки-проводочки, лампочки мигают...

Боязно Тимке.

Еще бы не боязно, кто его знает, что там, в машине этой. Тимка к машине подбирается, бочком-бочком, шепотом-шепотом, боится-боится...

Привет.

Это этот.

Какой этот?

Ну, вот этот – этот. Сидит в машине, на Тимку смотрит, не глазами смотрит, а... по-другому как-то.

– Привет.

Тимка вздрагивает.

Спохватывается.

Догадывается...

– А... а это ты лето забрал, да?

Тимка ждет, что вот сейчас этот – этот отнекиваться нач-

нет, да какое лето, да ты что, да ни в жизнь – а этот – этот сразу говорит:

– Я.

– А ты злой! Злой ты! А ты лето... лето...

Тимка хочет сказать – забрал, не может, слова в горле застревают, слезы из глаз...

– Ну не плачь, чего ты...

Это этот.

– Давай я тебе лето подарю?

Тимка настораживается.

– Лето подарю. Совсем-совсем твое. Собственное.

– Да ну... врешь ты все...

Тимка не верит, ну еще бы, какое лето, врет он все, как взрослые всегда врут, вот так наобещают с три короба, только чтобы Тимка не плакал, и ничегошеньки не сделают, ничего-го...

– А я, правда, лето подарю... а вот... смотри...

Тимка смотрит, Тимка глазам не верит, – вот оно, лето, да не одно, много, много лет, видимо-невидимо, и наши, северные, и южные, знойные, тропические, а тут и вовсе какие-то лета неведомые, неземные, неместные, сразу и не поймешь, что такое...

– Выбирай любое...

– Какое хочу?

– Какое хочешь.

– Прямо совсем-совсем какое хочу?

– Прямо совсем какое хочешь.

– И только мое будет?

– Только-только твое.

Тимка бежит, Тимка выбирает, это вот, где фестиваль, или нет, вот это, там поход и песни у костра, или нет, вот это, тут вообще круиз кругосветный...

– Выбрал?

Тимка оглядывается. Спыхватывается. Оглядывается, на город, на людей, а люди-то как же, люди...

Хлопает в ладоши, раз, два, три!

Вспархивают вспугнутые лета, разЛЕТаются.

– Ты... ты что? Ты что?

Это – этот.

Тимка снова в ладоши хлопает – раз! Два! Три!

У-ЛЕТ-ают последние лета.

Этот гонится за летами, не может догнать, где ему, сил-то у него не осталось, когда лета его покинули, вот и тает он, тлеет...

И Тимка посреди двора один остался. Ждет Тимка лето, а где оно, а нету, а...

Этим летом ТИМ твердо решил сделать такую машину, которая сделает так, чтобы лето не кончалось. То же само он обещал себе прошлым и позапрошлым летом, и поза-позапрошлым, когда великое Оледенение еще только-только вступало в свои права. Но всякий раз что-то случалось, что-то мешало, начиналось лето, нет, не так – ле-то-о-о-оо-о!

И даже не так – ЛЕТОООООО! – и начинается, землю распахать, зерна достать из хранилища, засеять, солнечные батареи выставить, а тут и урожай убирать, и много еще чего, а тут бац – и лето было, и нет, снова листь желеуют, и первый снег летит, больше, больше, больше, вот уже замело все, и льды пошли, рвет землю ледник...

Так что этим летом ТИМ решил твердо-твёрдо: он сделает такую машину. Начнет вот прям щас. Нет, он не будет обшаривать помойки, на помойках ничего такого нет, да и вообще, зачем ТИМу помойки, ТИМ на фабрике нужные детали сделает, ТИМу солнечные батареи нужны, и реактор, и много чего...

– А там разломали всё!

ТИМ торопится, ТИМ спешит, ТИМ смотрит, не верит себе, как, почему, зачем, да быть того не может, а вот может, вот, пожалуйста, пока ТИМ на востоке у себя дамбы строил, на западе кочевые подобрались, машину-то и того, на кусочки разобрали, растащили. ТИМ кочевых адским огнем сожжет, да что толку, машину-то уже не вернешь...

А лето поджигает, а лето кончается, а лето вот-вот – и нет его, а надо спешить...

Тревога.

ТИМ просыпается – всеми своими мегаполисами просыпается, рассылает сигналы от города к городу, встать, встать, встать, тревога, тревога, а что случилось-то...

А вот.

Осень пришла.

Вот так, не спросясь, не было, не было осени – и бац, и осень, и листья желтые, и холод, и первый снег летит, а где лето-то, лето-то где?

А нету.

Должно быть – а нету.

А к осени-то, к осени ничего не готово, ничегошеньки-ничего, ни тепло не припасено, ни стены толстые не выстроены, ничего-то нету...

А вот.

Зима.

И ночь.

ТИМ смотрит, как ночь, почему ночь, по часам день должен быть, только часы ночи не указ, вот захотела ночь – и пришла.

Поднимается в небо ТИМ.

Ракетные двигатели у ТИМа, вот и поднимается.

Смотрит.

Глазам не верит, ну, у ТИМа не глаза, другое что-то. Смотрит, не понимает, что это такое высоко-высоко в небе окружило лето, не дает лету светить. Вот светило высоко в небе лето, большое лето, светлое, а тут кто-то его шторами со всех сторон окружил, и лето пьет.

ТИМ даже вспоминает – сфера Дайсона.

ТИМ спрашивает:

– Это ты лето забрал?

– Я.

ТИМ вспоминает какие-то мировые конвенции, да чего этому – этому конвенции, плевать этот – этот на них хотел, и на ТИМа плевать, и на всех, на всех... Так что тут только одно остается, играть сбор, бить тревогу, созывать всех, всех, всех...

– А хочешь, лето тебе подарю?

Это – этот.

ТИМ настораживается, ТИМ не верит, как это так, лето отдаст...

– А вот смотри, сколько их у меня...

Смотрит ТИМ, себе не верит, да как так, да как такое бывает вообще, вон их, сколько лет, и вокруг – лета, лета, лета, горят, светятся, греют...

Бери любое...

ТИМ не торопится, ТИМ выбирает, такое, чтобы подольше хватило, чтобы побольше лето было, помоложе, оно же как, если лето красное, оно старое уже, если желтое, то помоложе, а вот лучше всего голубое лето взять, оно долго гореть будет, жарко гореть.

Только здесь уже не говорят – голубое лето.

Говорят – лето спектра О.

Вот и выбрал себе ТИМ голубое лето, красивое лето, а этот – этот даже помог ТИМу шторку вокруг лета поставить.

Вот как хорошо.

Ай да ТИМ.

Этим летом ТИМ точно решил сделать такую машину, чтобы лето не кончалось...

...это было уже.

И в то же время – не было.

ТИМ и раньше давал себе слово сделать такую машину, еще когда нашел прошлое лето, и позапрошлое лето, и когда в бою с другой цивилизацией отбил поза-позапрошное лето, и когда в драке с другой цивилизацией отбил себе целое лето, почти непочатое – только все время что-то мешало, оно же как бывает, хватает ТИМ лето, нет, не так – лето-о-о-о-о, нет, не так – ЛЕ-ТО-О-О-О-О-О!!!! – и начинается, шторку поставить, сфера Дайсона называется, и электростанции выстроить, и города, ТИМ же по космосу летает малым шариком, а когда лето найдет, там уже развернется на исполинский мегаполис, перед которым Земля – малая песчинка. Вот так, пока туда-сюда, тут и лето погаснет, и все, и как, и почему больше нет, а где, а было же – а все, приехали, сжимай сознание в крохотный шарик, лети по черноте космоса...

А теперь тянуть и откладывать нельзя уже, не осталось лет, раз-ЛЕТ-елись, вот теперь надо лето искать и сделать что-то, чтобы не кончалось оно, лето. ТИМ достал чертежи, которые надо было достать давным-давно, собрал что-то из остатков материи, еще не разорванной концом света. А разломать недостроенную машину на этот раз некому, по-

тому что нет никого. Почти получилось – осталось только изогнуть пространство и время, вот так, сильно-сильно, а потом...

...ТИМ оглядывается, куда он попал, а где машина его, а нет машины, ничего нет, рядом что-то большое, огромное, что притягивает ТИМа, но не горячее, ТИМ даже вспоминает – грунт, из грунта пробивается что-то тонкое, гибкое, непонятное, ТИМ отчаянно пытается нащупать воспоминания – воспоминаний нет...

...да кому они вообще нужны, воспоминания эти.

Никому не нужны, потому что ТИМ умирает – ТИМ не знает, сколько проживет без своей машины, но уже догадывается – всего-ничего. ТИМ оглядывается, ТИМ смотрит, ТИМ ищет...

А вот.

Машина.

Совсем рядом.

Ну, не совсем машина, ну почти-почти-почти машина. Осталось только чуть-чуть подправить, вот так...

И все.

И можно лето забирать. Вот ТИМ лето и забрал, теперь у ТИМа лето свое...

– Это ты лето забрал?

ТИМ смотрит.

Слушает.

ТИМ уже и не помнит, как это – слушать, ловить волны

воздуха...

– Это ты лето забрал?

ТИМ напрягает память, высасывает оттуда воспомина-
ние, вот же, вот...

Я.

– А ты злой! Злой ты! А ты лето... лето...

ТИМ вспоминает. Говорит:

– Хочешь... хочешь, я тебе лето подарю? Выбирай лю-
бое...

Спохватывается – когда Тимка хлопает в ладоши, раз,
два, три...

Лета – у-ЛЕТ-а-ют.

Все.

Разом.

Этот гонится за летами, не может догнать, где ему, сил-то
у него не осталось, когда лета его покинули, вот и тает он,
тлеет...

И Тимка посреди двора один остался. Ждет Тимка лето,
а где оно, а нету, а...

И говорит:

– А хотите, я вашим летом буду?

И стал Тимка летом. Люди оглядываются, смотрят, а где
Тимка, а Тимки нету, а вместо Тимки – лето, нет, не так, –
лето-о-о-оо-о! – и нет, даже не так – ЛЕТОО-О-О-О-О-О-О!

Боу

Солнце клонится к закату.

Ветер гонит по опустевшему полю последние колоски.

Кто-то подхватывает колосок – пока еще не село солнце, пока еще можно.

Люди спешат в город, все, все, все – и пешие, и конные, и на повозках, и кто как.

На воротах черепа скалятся, в черепах огоньки горят, отпугивать тех, кто там, там...

Подступает к городу седой туман осени, стелется по холмам, а в город не заходит, в город туману нельзя.

Люди жгут костры, жарят быков, барашков, пьют вино, ребятишки резвятся, кто постарше, пугливо смотрят на туман на холмах, приглядываются, не мелькнет ли там что-то чуждое, нездешнее, недобрые чужие огни. Старики молодым рассказывают, что в эту ночь за ворота выходить нельзя, безвременье унесет.

Ночь наступает.

Кончается осень.

Кончается время людей.

Боу закрывает уши ладонями.

Кричит – срывается на визг:

– Не надо, не надо, не на-а-а-до!

Боу рыжая.

И волосы у Боу до плеч.

Прохожие останавливаются, оборачиваются изумленно, кто-то даже подходит, с вами все в порядке – Боу растирает виски, хочет позвать на помощь, тут же спохватывается, широко улыбается, нет, нет, все хорошо.

Боу пятнадцать лет.

У Боу джинсики розовые.

У Боу рюкзачок за спиной, а на нем британский флаг.

Так-то.

Тянутся, тянутся по холмам седые туманы.

Ветер гонит на опустевших полях последние колоски.

Люди спешат домой, заезжают в гараж, опускают ворота. Зажигают свечи в резных тыквах, разводят огонь в каминах. Из витрин смотрят скелеты в ведьминских колпаках, разноцветные надгробия, резные тыквы, народ скупает ведьмины пальчики, по улицам ходят люди, залитые красной краской...

Стемнело.

Кончилось время людей.

Пол прислушивается.

Пол это не тот, который напротив потолка, – это его зовут так, Пол.

А полностью Паулин.

В честь одного Паулина известного.

Вот он прислушивается. И говорит:

– Еще одна... где-то тут... рядом...

Боу замирает.

Пытается понять, что она видит, – не понимает. Смотрит на набережную, а что такое, где Большой Бен, нет Большого Бена, а где Парламент, и Парламента нет, вместо Большого Бена возвышается причудливая башня, а на ней трилистник.

Боу спешит прочь, сворачивает туда, где Глаз Лондона, а нет никакого Глаза, а дальше лестница поднимается, кажется, в самые небеса.

Боу бежит прочь, Боу торопится, Боу огибает прохожих, чего они так на Боу уставились, ну еще бы, здесь никто так не одевается, это Боу одна такая вот... в джинсиках, и рюкзак у Боу с британским флагом – больше ни у кого такого нет.

Боу бежит, впечатывается с размаху в стену, ай, ах, откуда здесь стена, только что никакой стены не было...

Оглядывается.

Вот он, Большой Бен, на месте.

И Глаз на месте.

Все при всем.

– Пусти...

Боу делает вид, что не слышит.

– Пусти-пусти-пусти!

Боу зажимает уши.

И Боу кричит:

– Пусти-пусти-пусти!

Это не одна Боу, это разные Боу. То Боу, которая живая, по городу идет, джинсики у Боу и рюкзачок. А то Боу, которая мертвая, уже две тысячи лет как. Вот она и кричит:

– Пусти! Пусти-пусти-пусти!

А Боу не пускает.

Спешит домой, прячется за дверью, маму обнимает, чмоки-чмоки, и наверх бежит, в комнату к себе, падает на кровать, в подушку лицом зарывается, не слышать, не слышать, не слышать...

Боудикка смотрит на город, раскинувшийся по обе стороны реки.

Кивает своим людям, вскрикивает – коротко, резко:

– Сжечь!

Халлы бросаются на город, все, разом, рвется в город толпа с оглушительным ревом, трещит беспощадное пламя, воины тащат простоволосую женщину, взмахивает клинок...

Боудикка торжествующе сжимает зубы, так её, так.

И снова кивает своим, взмахивает рукой:

– Сжечь.

Взмахивают клинки, пылают факелы, Боудикка сжимает зубы в бессильной злобе – Лондинумм будет сожжен, и следа не останется от проклятого города. Боудикка замечает

двух девочек, затаившихся за обломками маленькой ограды, торжествующе вскрикивает, обнажает клинок, сейчас они ей за все ответят, за все, за все, за все... тощая женщина рвется к девочкам, так ей и надо, давно ли сама Боудикка в бесильной злобе рвалась к дочерям, когда...

...не вспоминать.

Нет. Вспоминать, подогреть свою злобу, уничтожить проклятых квиритов...

ГОЛОСА В ГОЛОВЕ, СИМПТОМЫ...

Боу набирает в поисковике, тут же обновляет страницу, нет-нет-нет, это как-то слишком страшно получилось...

Боу снова набирает:

БОУДИККА

Читает...

...уважаемые туристы, обратите внимание на памятник на набережной – женщина на колеснице, запряженной двумя лошадьми. Это памятник Боудикке, предводительнице кельтов, которая подняла свой народ на бой против римлян, но потерпела поражение...

Боу вздрагивает, быстрым шагом уходит прочь. У Боу джинсики розовые, на коленках прорезанные, и рюкзачок за спиной, а в рюкзачке альбом, это Боу рисовать учиться.

– Привет.

Боу зажимает уши ладонями. Тут же снова открывает уши, смотрит в темноту осенней ночи.

– А привет.

– Хочешь, город покажу?

Боу морщится, сонно потягивается на постели.

– Да ну, чего я, город не видела, что ли...

– А я тебе свой город покажу.

Боу оживляется.

– А пошли.

Боу спускается по лестнице, отродясь такой лестницы в доме не было, и двери такой в доме не было, и улицы такой не было, вымощенной камнями. Мимо проносится что-то быстрокрылое-крыломашущее, Боу отскакивает в испуге.

Ничего, ничего... не бойся...

Все тот же голос.

Боу оглядывает причудливые замки, башни, колонны, лестницы, робко спрашивает – а туда можно? А туда? (можно, можно), поднимается на башню, восторженно смотрит на город. Изумленно смотрит на черточки на вывеске, голос в голове подсказывает, прямая черточка справа – би, слева – аш, посередине – а, косая черточка посередине – а...

...Боу обступает в сторону, смотрит на полотна, не понимает, не верит себе, быть не может, чтобы она сама все это нарисовала, Боу без году неделю рисует, а вот нате же вам.

И мама охает, ахает, красота какая.

И все охают, ахают, надо же, какая красота.

...первое место в конкурсе чего-то там.

Боу торопится, Боу спешит, засиделась Боу на конкурсе чего-то там, вот теперь приходится по темноте возвращаться, Боу спешит, торопится, маме звонит, бегу-бегу, скоро-скоро буду. Только бы дойти по темноте, ночь недобрая, ночь осенняя, идет за Боу, нюхает следы, лижет темноту раздвоенным языком...

Темнота хватает Боу сзади, тащит рюкзачок, лезет Боу в карман, хочет выхватить телефон, Боу извивается, лягается, пусти-пусти-пусти, кто-то зажимает Боу рот...

...цокот копыт.

...взмах клинка.

...еще.

Тук-тук-тук, цокот копыт.

Тук-тук-тук – с легким стуком катятся по тротуару отрубленные головы преследователей. Боу оборачивается, прячет лицо на груди своей спасительницы, коротко всхлипывает. Женщина в причудливых одеяниях обнимает Боу, гладит по голове, ну что ты, что ты, всё хорошо...

Паулин смотрит на полотна. Толкает под локоть ученика, кивает:

– Еще одна.

Ученик восторженно смотрит на картины, ученик мало

что понимает, молодой еще.

– Э-э-э... кто еще одна?

– Да вот... вот через таких она в наш мир и просачивается...

– И что делать будем?

Паулин чиркает спичкой, зажигает факел.

– Да вы... вы что?

Паулин сжимает зубы, так он и знал...

– Да мне самому жалко... до черта жалко... такой талантище... а что делать...

Треск пламени.

Боу оборачивается, Боу не верит себе, как так – треск пламени, почему, зачем – треск пламени, гибнут причудливые дворцы, лестницы, колонны, анфилады, гибнет нарисованный город...

Боу бросается к пожарищу:

– Не... не смейте!

Паулин перехватывает руку Боу, пытается что-то объяснить, Боу не слушает, да они никогда не слушают, всегда приходится идти на крайние меры, всегда...

– Пусти... пусти!

Голос в голове Боу.

Боу раскрывается. Раньше она и не знала, как это – раскрываться, вот так, меж двух миров, пропустить грохочущую копытами конницу, бряцающих оружием воинов, сжимает зубы от боли, раскалывается голова...

...голос Боудикки как из ниоткуда:

– Спасибо... спасибо!

Боудикка смотрит на город, кивает своим воинам:

– Сжечь!

Сжимает зубы в бессильной злобе – ненавистный Лондинуум будет разрушен до основания, сама память о нем истлеет в веках. Боу не понимает, как, почему, зачем, Боу смотрит на Боудикку, почему та заносит над ней клинок, это же она, Боу, это же...

Паулин хватается Боу, тащит прочь, за угол, за неприметные ограды, прячься-прячься-прячься-бойся-бойся-бойся...

И по телефону кому-то:

– Готовность номер один.

Вот так.

С ходу.

Там, в телефоне, сомневаются, да точно ли номер один, да правда ли все так плохо – Паулин снова повторяет, да, да, плохо все, плохо, готовность номер один. Паулин прислушиваются – где-то подтягиваются танки, успеют ли, или нет, да что танки, Боудикка тоже не лыком шита, вон, поднимаются над городом крылатые машины, машут крыльями, плюются огнем...

И...

...и...

Замирают халлы.

И квириты замирают.

Что такое, в чем дело, понять не могут.

А вот оно в чем дело.

Боу.

Стоит Боу, одной рукой сжимает мир Квиритов, другой рукой – мир халлов.

Вот так.

Двумя руками миры держит.

Не пускает.

Срывается на крик, на хрип:

– Да перестаньте вы! А ну прекратите, ком-му сказала!

Что вы, в самом деле...

А потом говорит...

...и все удивляются, ай да Боу, надо же, как придумала...

– ...дорогие туристы, пройдемте в следующий зал. С первого взгляда кажется, что в этой комнате нет ничего интересного и примечательного – но поверьте мне, это только кажется. Этот зал построен для одного-единственного события, для одной-единственной церемонии, и больше ни для чего не использовался. А ну-ка, кто может предположить, для чего создан зал?

– Договор подписать!

– Правильно, а какой?

– Э-э-э... об аренде чего-нибудь там...

– Верно, а чего?

– М-м-м-м...

– На самом деле все намного сложнее. Видите экраны по обе стороны комнаты? На самом деле это порталы, через которые в наш мир пришли две враждующие стороны, чтобы подписать...

Солнце клонится к закату.

Ветер гонит по полю последние колоски.

Люди спешат к городу, закрывают ворота, кто снаружи остался, тот пропал.

Полночь на часах.

Кончилось время квиритов.

Исчезает крест на высокой башне, тускло мерцает на башне причудливый трилистник в свете луны.

Ликуют кельты. Началось их время.

Имболк пришел.

– ...уважаемые туристы, обратите внимание на памятник на набережной...

А у памятника на набережной джинсики розовые.

И рюкзачок.

А на рюкзачке британский флаг.

Юджин

Юджину страшно, Юджину вообще редко бывает страшно, обычно Юджин собранный, деловой, другим его никто никогда не видел – но это при свете дня, а вот с наступлением ночи – это да, просыпаются какие-то страхи даже не из детства, а вообще откуда-то из прошлой жизни, когда сам Юджин еще не был Юджином. И угораздило же его отпустить экипаж, а в такое время не то, что кэб не поймаешь, в такое время даже пешком не дойти. Юджину страшно, Юджин знает, что в такие ночи не спрятаться, не скрыться от... здесь Юджин боится сказать страшное слово – вот Юджин и бежит по улице, наплевав на все правила приличия, боязливо косится на темную гладь воды, не мелькнет ли там что-то темнее самой ночи... показалось... нет, не показалось, точно, что-то темное, глубокое, хищное приближается, все быстрее, быстрее, быстрее. Юджин ускоряет бег, после двух бокалов бег ускоряться не хочет, улица качается и приплясывает то ли от ветра, то ли под ногами. Что-то темное вытягивается из воды, ползет в сторону молодого человека, то ли извилистые щупальца, то ли длиннопалые руки, то ли еще что-то, что не привидится даже в самом страшном ночном кошмаре. Прохожий хочет позвать на помощь, – голос не слышится, срывается на хрип. Надо бежать – и не бежится, ноги как будто приросли к земле, и одинокий фонарь у дома

кажется бесконечно далеким, таким далеким, что до него не добраться даже за тысячи лет. Юджин спотыкается о темноту ночи, падает на ступеньки крыльца, последним усилием воли дотягивается до двери – молит небеса, чтобы хоть кто-то услышал слабый стук. Юджин знает, что нельзя обращаться – и не может удержаться, не может не обернуться, не посмотреть в лунно-желтые глаза, в которых, кажется, отражается сама вечность... Юджин просыпается, Юджин говорит себе – этого не было, не было, не было, потому что... просто потому, что быть не могло. Входит слуга, ну и напугали вы нас, хозяин – хозяин сжимает зубы, значит, все-таки было, значит, все-таки не сон, древнее проклятие вышло из пучин моря. Так было в ту ночь, когда без вести пропал отец, так было в ту ночь, когда умерла мать, так было и в ту ночь, когда буря разрушила половину городка, и он ушел на дно. Что поделывать, непрочный городок, ой, непрочный, построенный на сваях над морской пучиной, он и достался Юджину непрочным в наследство от отца, а пару лет обветшал еще больше, и все-то надо чинить, а где средства взять, а вот как фабрика начнет прибыль приносить, вот и средства будут. Дымит фабрика, коптит небо фабрика, открывает стоки, сбрасывает в морские пучины черное маслянистое месиво. Юджин проходит мимо двух рабочих, слышит обрывок беседы, слышал, сегодня чего из моря выловили, нечисть какую – Юджин не дослушивает, что за нечисть, поспешно уходит. В городе темнеет, в это время

вообще темнеет рано, а в пасмурные дни еще раньше, и уже не видны в тумане маяки соседних городов, говорят, вчера опять два корабля не доплыли, может, заблудились, а может, уже и всё... Юджин хочет послать спасательную экспедицию, старый капитан спохватывается, да вы что, что, молодой господин, так мы половины флота недосчитаемся... Юджин уже и сам понимает, что сморозил что-то не то, много еще чему надо учиться Юджину, много... Темнеет, пора домой, скорее, скорее, пока чернильно-чернично-черная тьма не поглотит город на сваях. Экипаж, экипаж, скорее экипаж, и домой, на крыльцо под светом одинокого фонаря, и дальше в большой зал, по мраморной лестнице в комнаты, где слуги уже напустили ванну... Юджин раскрывает книгу, которая лежит на краю стола, читает – ...каждое новолуние выходили из пучин тьмы за очередными жертвами... – в страхе захлопывает книгу. Аура ждет, Аура высматривает, выслеживает, выщупывает чуткую тишину ночи, ищет жертву, слышит гулкие шаги по мосткам – туп-туп-туп, чувствует знакомый запах, чует кровь, живую горячую кровь внутри мясного бурдюка, стоит только вонзить клыки... Аура плывет – резко, стремительно, взмахивает рыбьим хвостом, плавниками, вытягивается с мостков в темноту ночи, выжидает, высматривает, вот он идет, молодой, тощий, богатый наследник чего-то там, он по фабрике ходит, и книжки еще читает, и много еще чего. Дымит фабрика, дымят трубы, поднимается в темное небо сизая копоть, открывается слив. Юд-

жин велит слуге задернуть шторы, чтобы не видеть темноту ночи за окном, чтобы не чувствовать на себе чей-то взгляд, он не уходит, он манит, он притягивает, он... Юджин зажмуривается, чтобы не видеть – бесполезно, всё бесполезно, даже сквозь веки просвечивает лунный взгляд, из которого смотрит сама бездна. Спать, спать, приказывает себе Юджин, спать, завтра вставать рано, Юджин спит, видит сон, как он идет по улице, нет, это не сон, мостки качаются под ногами, холодок ночи пронизывает до костей, дымный смог поднимается над городом, плещется черная вода далеко внизу, лижет сваи, хочет сточить город. Юджин стряхивает с себя сонное оцепенение, заставляет себя идти к дому, к дому, где качается на крыльце одинокий фонарь – нет, снова сумасбродят и лихоманят лунные глаза, снова тянут за собой в бездну, зовут, зовут... Юджин бежит туда по мосткам, поднимается на старую баржу, кто-то из матросов хочет шугануть Юджина, узнает – почтительно отступает. Аура зовет, Аура смотрит, Аура умеет смотреть, Ауру учили, вот так посмотришь на человека, он к тебе придет. Аура зовет – не дозовется, не получается у Ауры позвать, не получается вырваться из клейкого, черного, маслянистого – тянет, захватывает со всех сторон... Юджин наклоняется, высовывается за борт, сильнее, сильнее, чуть не падает, еле-еле видит в темноте чернично-черной ночи что-то еще чернее, что-то, пропахшее черным, маслянистым, что-то еще не мертвое, но живым уже назвать нельзя. кто-то подхватывает Юджина,

держитесь, держитесь, Юджин тычет пальцем в море, срывается на крик, взять-взять-взять, лови-лови-лови, я вам за что плачу, люди подцепляют сетями смрадное нечто, брезгливо тащат на палубу, Юджин снова кричит – воды, воды, да не этой, не морской, а чистой, чистой воды, как нет, быть того не может, полцарства за воду... Кучер испуганно шарается, когда видит что-то смрадное, черное, промасленное, Юджин не слушает кучера, тащит нечто в экипаж, снова срывается на крик, я вам за что плачу, и отмоете, и пожалуйста, и сиденья новые купим, и что там еще, и экипаж новый, и вообще... экипаж несется по пустынной ночной улице, кучер едва сдерживает перепуганную лошадь, тихо, тихо, Гарпия, что ты, в самом деле, лошадь не слушает, лошадь встает на дыбы. Юджин тащит нечто по ступенькам крыльца, по большому залу, наверх, в ванну, кивает старому дворецкому, врача, врача вызовите, или нет, ветеринара, или нет, врача, не знаю, я, кого... Что значит – невозможно, да я вам хоть сколько заплачу, делайте хоть что-нибудь, я не знаю, что... Юджин зажигает тусклую лампаду, задергивает шторы, чтобы не видеть подступающий шторм, закрывает окно, чтобы не слышать грозу, смотрит на нечто, распростертое на кровати, кое-как отмытое от черного масла, что там про жабры говорили, чем промывать, Юджин чистит жаберные щели едко пахнувшей жидкостью, сбрызгивает водой, гладит разметавшиеся по подушке изумрудные волосы, спрашивает в пустоту – что, что это было, уже понимает, что не получит

ответа – никогда, никогда, никогда...

В количестве 61 штука

Оружие.

Нет.

На оружие не похоже.

Передачик.

Нет.

Тоже не похоже.

Детали чего-то, чего-то...

...чего?

ПРИКАЗ

ДОСТАВИТЬ

Запоминаю, что доставить. Думаю, как записать в память то, что я первый раз вижу.

...предметы продолговатые с плоским утолщением на конце...

...нет, не так.

...продолговатые обрезки металла с круглым сечением, заостренные на конце...

...и тоже не так.

...продолговатые обрезки металла с круглым сечением, на одном конце заостренные, на другом имеющие плоское утолщение, перпендикулярное самому отрезку...

...как-то так.

...в количестве 61 штука.

Или нет.

...в количестве 61 штуки.

С ревом и грохотом сияющая стрела поднимается в небо.

Путь неблизкий.

Тысячи лет.

Звезды, звезды и звезды – насколько хватает глаз. Я вижу космос, хорошо вижу, там, где мои заказчики видят два цвета, я вижу сто цветов, там, где они видят три цвета, я вижу миллион.

Тысяча лет пути.

Выверяю курс.

Резонатор?

Не похоже.

Источник энергии?

И близко нет.

...дугообразные металлические предметы с круглыми отверстиями по краям.

Вот так.

Похоже.

...в количестве шести штук.

Пока никто не видит, раскладываю дуги в разном порядке, выстраиваю из них причудливый орнамент, – ничего не про-

исходит. Догадка приходит сама собой, беру продолговатые заостренные обрезки, вставляю в отверстия – подходят идеально, ай да я.

Но ничего не происходит.

Ни-че-го.

Смотрю на дуги – здесь должно быть еще что-то, еще, еще, еще, понять бы еще – что именно.

Триста лет пути.

Слушаю звезды.

Звезды говорят со мной. С заказчиками не говорят, а со мной очень даже.

Там, где они слышат тишину, я слышу голоса звезд.

ЗАПОМНИТЬ

...плоский и острый металлический предмет...

...нет, не так.

...плоский металлический предмет, заостренный на конце. На другом конце предмета находится отверстие, в которое вставлен материал непонятного происхождения...

Две штуки. Разной формы.

Нет, не так.

Но не знаю, как надо.

– Что это?

Смотрю на предметы, которые выложил передо мной за-

казчик.

– Что это?

– Нет данных.

– Но...

– ...нет данных, – заказчик смотрит на меня в упор, – отвезете в пункт назначения.

– Можно узнать цель доставки?

Никогда не спрашивал цель доставки, всегда и так было все понятно, – вот до этого момента, когда заказчик положил передо мной...

– Цель доставки?

– Нет данных.

Киваю:

– Понятно... засекречено.

– Не засекречено. Нет данных.

Понимаю, что очень-очень засекречено.

Семьсот лет пути.

Начинают появляться сомнения, что я везу, куда я это везу, зачем, зачем, зачем, почему...

Смотрю на пункт назначения. Первый раз слышу про такой пункт, рукав Ориона, что такое вообще этот Орион... Вычисляю координаты, да там нет ничего, быть там ничего не может.

Закрадываются сомнения. Нехорошие. Недобрые. Что или кого я убью этими кусками металла. Почему-то мне ка-

жется – что-то или кого-то убью.

Пытаюсь пристроить к дугам заостренные плоские предметы.

Ничего не получается.

Нет, все-таки здесь что-то есть. Мертвые планеты, тусклые остатки магнитных полей. Смотрю на записи, понимаю, что ничего мне эти записи не дадут, третья планета, какая третья, если их всего две, какой наклон оси, нет тут никаких наклонов, какой спутник, и спутников никаких нет, какой оксид водорода, вы о чем...

Ищу координаты, широта, долгота, кто и когда это писал, ни на одной из планет на этой широте и долготе нет ничегошеньки, ни-че-го, да должно ли там вообще что-то быть...

Вспоминаю.

Открываю документ.

Смотрю.

Пытаюсь понять, что я увидел, четырехугольное, высокое, что это за круги по всем четырем сторонам, штрихи на кругах, линии...

Опускаюсь.

Ищу, сам не знаю, что. Нахожу. Неожиданно сам для себя нахожу, сравниваю – от кругов остались только отверстия, прямоугольник почти разрушен.

И все-таки это именно то, что указано в документе. С ве-

роятностью девяносто три процента.

Спускаюсь.

Чувствую притяжение, падаю – свободно, мертвая пустыня несется навстречу.

Выпускаю парашют.

Всегда хочу растянуть этот момент свободного падения, когда чужая земля несется навстречу, грозитя разбить меня насмерть.

Выпускаю колеса, думаю, меняю на гусеницы.

Ползу.

Смотрю на прямоугольную громадину, ползу дальше, как указывает карта, выпускаю лапки, когда приходится подниматься по ступенькам.

Оставляю посылку.

Продолговатые обрезки металла с круглым сечением, на одном конце заостренные, на другом имеющие плоское утолщение, перпендикулярное самому отрезку. В количестве 61 штука.

Плоский металлический предмет, заостренный на конце. На другом конце предмета находится отверстие, в которое вставлен материал непонятного происхождения...

Две штуки. Разной формы.

Дугообразные металлические предметы с круглыми отверстиями по краям. В количестве шести штук.

Что-то там еще нужно про корону сказать.

Уже не помню, что.

Вышел Месяц из Тумана...

– Я знаю, кто убийца, – сказал почтенный Фонарь.

Я изумленно посмотрел на своего друга: почтенный фонарь и раньше удивлял меня своими прозрениями, но на этот раз я понял, что не ожидал такого откровения даже от Фонаря.

– И... кто же это? – спросил я на всякий случай.

– Месяц.

Я посмотрел на далекий серпик месяца, застывший над ратушей, и не поверил своим ушам.

Но... что-то я не припомню, чтобы месяц играл большую роль в наших событиях... он вообще держится особнячком... Уж не будете же вы осуждать его только за то, что он не показывается на шумных вечеринках и не ходит ни к кому в гости?

– Нет-нет, дело совсем не в этом... Ах, Чайник, Чайник, какой же вы все-таки чайник... Да как вы не понимаете, у него же есть ножик!

– Ножик?

– Ну да... разве не знаете – вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...

– ...буду резать, буду бить? – подхватил я.

– Вот именно!

– И вы думаете...

– ...я уверен.

Мне стало не по себе:

– И что, вы предлагаете прямо сейчас пойти и арестовать Месяц?

– Ну да.

Я смотрел на Фонарь – он явно не понимал всей абсурдности своего предложения, в самом деле, как можно было представить месяц, запертый в тюрьму. Ссориться с фонарем не хотелось, и я осторожно ответил:

– Давайте... давайте я зайду к Месяцу на чашку кофе... или напишу ему письмо. И мы всё узнаем.

Фонарь презрительно фыркнул и заскрипел – он был явно не согласен со мной, но ему нечего было возразить.

Драм смотрит.

Драм слушает.

И даже не смотрит и не слушает, а как-то по-другому... сразу и не понять, как...

Сигнал.

Откуда сигнал?

Извне.

Это что-то новенькое, чтобы извне, давненько не было, чтобы извне.

Драм прислушивается.

Весь.

Разом.

Драм большой, три миллиарда.

А сейчас Драм сидит на высокой башне на Луне... да нет, Драм он и есть – Луна.

Настраивает локаторы, большие, круглые, блестящие, ловит сигнал.

И он играл на ложках,
На ложках-поварешках....

Факты о Луне, которые вы не знали:

...лунная колония отличается коллективным разумом: да-да, это не просто красивая легенда. Дело в том, что изначально первое поселение на Луне основала компания, которая отправляла в космос экипажи с коллективным разумом...

Драм отрывает от рубашки кусок, сворачивает, хочет засунуть в рот целиком, не получилось, откусывает...

...местные умельцы придумали изготавливать одежду из специального материала, который можно не только носить на теле, но и... есть. И это опять же не легенда, а вполне реальный факт. Это новшество было введено после страшного голода в...

На нем сюртук из блинчиков,
Из блинчиков, из блинчиков...

Драм расшифровывает сигнал – по знакам, по знакам,
по символам...

Всплеск возмущения.

На все три миллиарда.

Драм отправляет ответ —

Да вы издеваетесь.

Ну, не так, конечно, но смысл такой.

Отрывает кусок от штанов, сворачивает, ест...

На нем штаны из ветчины,

Из ветчины, из ветчины...

– Да вы издеваетесь, – повторил Месяц, потягивая кофе, – чтобы я кого-то убивал... в жизни такого не было.

Я смотрел на Месяца, неторопливого, вальяжного, как он покачивается в кресле-качалке, как потягивает кофе, как покуривает трубку – и все больше думал, что Месяц не может быть убийцей, просто... потому что не может. Я уже совсем было собирался вежливо откланяться и пойти обратно в город, рассказать Фонарю и всем-всем, что Месяц не виноват – но что-то насторожило меня, что-то не давало мне покоя, что-то, что-то...

Ах да...

– Ножик, – вспомнил я, – у вас же есть ножик... в кармане.

– Ну да, – кивнул Месяц и вынул ножик из кармана, – есть.

– Так вот этим ножиком вы и убили!

Я ждал, что Месяц будет отпираться, возмущаться, да как вы смеете, да за кого вы меня принимаете – но не тут-то было.

– Ножиком, – согласился он, – ножиком... убил.

Я не успел ничего возразить, не успел понять, что происходит, когда Месяц вонзил...

...убит при загадочных обстоятельствах. Как и в прошлый раз убийца скрылся с места преступления, найти его не предоставляется возможным...

– Не предоставляется... – недовольно проворчал Фонарь, листая газету, – хоть бы писали правильно, что ли...

Газета смущенно покраснела, всем своим видом показывая, что ей и самой очень неловко, и неправду говорят, что бумага все стерпит.

Фонарь еще раз посмотрел на осколки Чайника, лежащего на мостовой – его явно сбросили с большой высоты, и оставалось только догадываться, кто это сделал. Проще всего было обвинить Месяц – но с тем же успехом могла быть виновата Совиная Башня, старый Флюгер, да и вообще над городом ночью летала стая сов...

Неизвестные факты о Луне:

Знаете ли вы, что лунное государство обвиняют в уни-

чтожении созвездия Чайник в 3876 году? Звезды, образующие астеризм Чайник, были уничтожены неведомым оружием с разницей в несколько месяцев. Эксперты установили, что источник неведомых лучей находился в районе Луны – правда, сами жители Луны категорически все отрицают. Их вина так и не была доказана...

– А вот, посмотрите-ка, дети, на созвездие Стрельца... Вон... Аскелла, Нунки... Нанто... Алнаси... – Ничего не напоминает?

– Цветочек!

– Верно, а еще?

– Э-э-э... змея воздушного!

– А еще?

– Чайник!

– Кто сказал, чайник? А ну-ка, выйди сюда!

– Да я только...

– Молодец какой, правильно заметил! Этот кусочек созвездия Стрельца называется Чайник. Вот носик, ручка, крышка... а из носика чайника как будто выходит Млечный Путь...

– Пошлите еще раз запрос на Луну.

– Бесполезно... туман...

Люди уже и сами видят – туман, бесконечный, окутавший все вокруг. Сигналы отчаянно пытаются пробиться сквозь

туман – не могут.

Неизвестные факты о Луне.

Знаете ли вы, что именно жители Луны спасли Солнечную Систему от неминуемой катастрофы, когда весь мир заволокло туманом...

Драм читает запрос. Ну, не читает, как-то по-другому.
От волнения отщипывает пару пуговиц, жует.

И пуговицы из булочек,
Из булочек, из булочек...

Вроде запрос как запрос, вроде и ответить-то проще простого, а вот на тебе...

«Это вы убили Туман?»

Драм подробно объясняет, как разрезали туман ножом.
Ждет.

Отрывает еще пару пуговиц.

«Вы обвиняетесь в убийстве тумана...»

Вот так.

Ни с того ни с сего.

От волнения Драм снимает колпак, жует...

На нем колпак из творога,
Из творога, из творога...

Неизвестные факты о космосе.

...знаете ли вы, что в нашей Вселенной был по крайней мере один туман, наделенный разумом, – однако, этот туман был уничтожен в...

– Вы обвиняетесь в убийстве Тумана, – повторил Фонарь и еще раз гневно постучал в дверь. Он уже не сомневался, что Месяц забаррикадируется и не станет открывать – но на этот раз у Фонаря был с собой отряд полиции, поэтому Фонарь не сомневался – преимущество на его стороне.

– Сейчас... сейчас, – послышался незнакомый голос. Дверь, наконец, распахнулась, и Фонарь изумленно отпрянул, а вместе с ним и полицейские. Потому что на пороге показалась дородная полная луна, которая еле-еле умещалась в дверном проеме.

– Что вам угодно? – спросила она мелодичным голоском.
– Э-э-э... мы... ищем... месяц, – пробормотал Фонарь.
– Не знаю, о ком вы говорите, – призналась Луна.
– А... разве он здесь не живет?
– Никогда не слышала о таком.
– А вы... давно здесь... живете? – в отчаянии спросил Фонарь.

– Пять миллиардов лет.

– П-простите... мы... ошиблись...

– Ничего страшного, – широко улыбнулась Луна, – с кем не бывает...

– ...вот так я его и провел, – закончил Месяц и самодовольно посмотрел на Совиную Башню, за край которой он зацепился без четверти полночь.

– Постойте-постойте... – Совиная Башня насторожилась, – уж не хотите ли вы сказать... что Чайник тоже убили вы?

– Милая моя, стоит ли горевать из-за какого-то Чайника, честное слово, мало ли Чайников на свете?

– Да нет же, нет же... Чайник... вы хоть понимаете, что это был за Чайник?

– А что такое?

– Чайник... из носика которого выходит Млечный Путь!

– Ну, это же аллегория...

– Да какая аллегория, вы посмотрите на небосвод, туда, где был Чайник! Ну-ка гляньте, выходит из носика Млечный Путь?

– Э-э-э... м-м-м... н-нет...

– Ну, вот видите, что вы натворили? Теперь пар рассеется, и мы...

Совиная Башня не договорила – и так было всё понятно. Месяц задумался, сколько им всем осталось жить...

Сущность Эф

Тропа, вымощенная звездами.

Путник идет по тропе.

Пьет свет звезды.

Идет дальше.

Путь далек.

Путник ищет звезду.

Не находит.

Нет звезды.

Не из чего выпить свет.

Сущность Эф передает сущности Икс долю энергии.

Сущность Эф передает сущности Икс долю памяти.

Запрос от сущности Икс на дополнительный объем памяти.

Запрос удовлетворен.

Объект А.

Нет, не объект, сущность.

Итак:

Сущность А движется из места назначения в место прибытия. Шлет позывные сигналы —

Аз есмь.

Двигается относительно места назначения и места прибы-

тия.

Позывные.

Много позывных.

Запас энергии на время один Тэ.

Расстояние до промежуточного пункта – один Эр.

Скорость – один эр деленое на один Тэ.

Вот так.

Для простоты.

Снова позывные.

В никуда.

Просто.

Аз есмь.

Запас энергии ноль процентов.

Промежуточный пункт достигнут.

Знак «Идет зарядка».

Запас энергии сто процентов.

(на время один Тэ).

Расстояние до промежуточного пункта – один Эр.

Скорость – один Эр деленое на один Тэ.

Промежуточный пункт отсутствует.

Запас энергии два процента.

Один процент.

Полпроцента.

Ноль процентов.

Сущность деактивируется.

Перестает существовать.

Обрывок памяти.

Чьей?

Нет данных.

...бескрайняя пустыня, насколько хватает глаз. Черное небо, оскаленное звездами, Млечный Путь (что это? Что это?) через весь небосвод. Одинокий путник бредет через пустыню, вязнет в песках, сжимает в руке уздечку, сам не знает, зачем, Акинак пал еще неделю назад.

Путник ищет родник, смотрит на пожелтевшую карту – он должен быть, он обязан быть. Здесь. Сейчас. Через каких-то несколько часов пути, осталось пройти эти несколько часов. Путник падает в изнеможении, поднимается – не сразу, снова идет, почему-то боится ползти на четвереньках, вертится в голове что-то, – если на четвереньках ползти, это уже всё...

Человек (что это? Что?) останавливается, смотрит в карту, оглядывает пустыню, обломок скалы, как на карте...

...родника нет.

Человек ложится на холодный песок, смотрит в черное небо, оскаленное звездами, Млечный Путь (что это?) через весь небосвод...

Сигнал Аз Есмь.

Летит.

Обрывается.

Так и летит – оборванный.

Объекты Бэ, Це, Эф и Икс.

Нет, не объекты.

Тоже сущности.

И Бэ, и Це и Эф – сущности. Это точно. А вот насчет Икс весьма сомнительно, вроде бы объект, но какие-то задатки сущности есть.

Нет, все-таки объект.

Сущность Бэ.

Запас энергии – тысяча единиц. Объем – тысяча единиц в трех направлениях. Сила влияния (власть) – тысяча единиц. Топливных шаров в распоряжении – восемьсот. Возраст – десять средних возрастов топливного шара. Материальный носитель – нет.

Сущность Це.

Запас энергии – девятьсот единиц. Объем – тысяча сто единиц в трех направлениях. Сила влияния (власть) – тысяча единиц. Топливных шаров в распоряжении – девятьсот. Возраст – двенадцать средних возрастов топливного шара. Материальный носитель – нет.

Сущность Эф.

Запас энергии – десять единиц. Объем – одна сотая еди-

ницы. Топливных шаров в распоряжении – нуль. Источник энергии – добровольная отдача со стороны объектов Бэ и Це. Сила влияния – две тысячи единиц. Возраст – десять миллионов единиц. Материальный носитель – есть, используется от случая к случаю.

Объект (сущность?) Икс.

Запас энергии – ноль единиц. Объем – одна тысячная доля единицы. Топливных шаров в распоряжении – нуль. Источник энергии – ничтожно малая отдача со стороны сущности Эф. Большую часть времени находится в неактивном состоянии. Сила влияния – нуль. Возраст – неизвестен. Материальный носитель – есть, используется постоянно.

Объекты Дэ и Е?

Были.

Перестали существовать.

И сигнал.

Оборванный сигнал, который был пойман сущностью Це.

Сущность Це:

Сигнал о поимке сигнала.

Сущность Бэ:

Запрос дополнительной информации о сигнале.

Сущность Це (десять единиц времени на расшифровку):

Источник сигнала – сущность А. Данных о сущности А нет. Сигнал оборван. Следовательно – сущность перестала существовать.

Сущность Бэ:

Запрос информации о причине исчезновения сущности А.

Сущность Це:

Причина – нехватка энергии.

А сущность Эф слушает и молчит.

А сущность Икс тоже молчит. Слушает или нет – неизвестно.

Снова сущность Це:

Сущность А следовала из одного пункта в другой с промежуточными стоянками. Стоянок было семнадцать. На третьей стоянке не было источника топлива.

Вот так.

Сущность Бэ и сущность Це шлют сигнал сущности Эф. Запрос о помощи.

Сущность Эф посылает ответный запрос – вышлите до-

полнительную информацию.

Сущность Це сообщает: требуется получить информацию, почему исчез источник энергии на стоянке.

Сущность Эф посылает сигнал: будет исполнено.

Сущность Эф (шлет сигналы не для кого, в пределах своего сознания:)

Шлет сигнал – говорит.

Посылает ответный запрос – спрашивает.

А когда появляются сигналы о возрасте, сущность Эф почему-то вертит в памяти – триллион.

Топливный шар – стар.

Еще как-то.

А вот.

Топливный шар – астра.

И еще как-то.

Вот:

Топливный шар – звезда.

Пространство – космос.

Сущность – цивилизация.

Нет, не так. Когда говорят – сущность Эф, сущность шлет сигналы в своем сознании – господин Эф.

Это сущность Эф сигналил. Сам для себя. Кому неинтересно, те могут дальше ловить сигналы про сущности и энергии.

Примечание (если кому интересно):

Чтобы точно воспроизвести сигналы сущности Эф, их нужно передавать колебаниями воздушных потоков. В крайнем случае – электромагнитными колебаниями.

Сущность Эф.

Это я.

То всё вокруг – не я: вселенная, доживающая последние миллионы лет, звезды, гаснущие одна за другой, величайшие цивилизации, пережившие века и века и перешедшие от многомиллионных рас, разбросанных по планетам к бесплотному коллективному разуму, который носится по пустоте вселенной и кормится еще не погасшими звездами.

Это вот все не я.

И некогда великая цивилизация, которая летела через космос по дорожке, выложенной звездами, кормилась звездами, не нашла очередную звезду, исчезла, растаяла, как дым, оставив после себя слабеющий сигнал – это тоже не я.

А вот это я. Память. Мысль. Иногда сама по себе. Иногда в маленьком спутнике. Иногда маленький спутник приходит в негодность – раз в несколько сотен лет. Тогда приходится искать материю, плавить металл, воспроизводить самого себя.

Иногда думаю: маленький спутник – это еще я или уже не я. Не знаю.

Сущность Икс – это тоже не я.

Это было три тысячи лет назад. По привычке перевозжу возраст топливного шара в эти самые – лет, откуда-то пришло это – лет. Маленький спутник истлел и готов был рассыпаться в прах, я искал материю, когда нашел его.

Кого его?

Не знаю.

Сущность Эф.

Обнаружен объект. Предположительно сущность. Согласно мировой классификации сущности присвоен знак Икс.

Запас энергии сущности Икс – ноль.

Передача части энергии от сущности Эф к сущности Икс.

Анкета.

Как ты назовешь корм.

Как ты получишь корм.

Как ты чувствуешь.

Как ты думаешь.

Как ты почувствуешь звезду.

...и много еще вопросов.

Эф: как ты назовешь корм?

Икс: нет данных.

Эф: как ты получишь корм?

Икс: нет данных.

Эф: Как ты чувствуешь?

Икс: нет данных.

Эф: Как ты думаешь?

Икс: нет данных.

Эф: Как ты почувствуешь звезду.

Икс: нет данных.

Сигнал от сущности Эф:

Присвоенный знак Икс снова считать свободным.

Запрос от сущности Икс сущности Эф...

...да.

Тогда он спросил меня:

А ты был там?

Где это – там?

Он не сказал, где, он снова повторил:

Ты был – там?

Я на всякий случай ответил:

Не был.

Икс ответил:

Я тоже не был. Наверное, никто не был.

Я согласился, тоже на всякий случай:

Наверное.

...знак Икс снова считать присвоенным сущности...

Проверяю звездную дорожку.
Тропу, вымощенную звездами.
Шлю сигнал, что вижу трассу.
Шлю сигнал, что вижу источники энергии.
Проверяю расстояние между источниками.
Проверяю еще раз.
Высчитываю погрешности.
Нет.
Никакой ошибки быть не может.

Огромные сущности не понимают, огромные сущности смотрят на меня, снова посылают запросы – как такое может быть, восемнадцать источников должно быть, а их всего три.

Сущность Бэ посылает сигнал тревоги.
Сущность Це посылает сигнал тревоги.
Нарушение договоренностей.
Присвоение энергии.
Там. На пути.

Запрос от сущности Бе к сущности Цэ: покажи запасы энергии.

Сущность Цэ показывает.

Запас энергии превышает запас во время предыдущей проверки на двести единиц.

Снова запрос от сущности Бэ к сущности Цэ: откуда энер-

гия.

Сущность Цэ: нет данных.

Сущность Бэ: надо уничтожить сущность Цэ.

Сущность Эф (передавать колебаниями воздуха или электромагнитными сигналами):

Я уже понимаю, что это будет. Вот здесь. Вот сейчас. Так уже бывало, не раз, и не два, и не десять, и не миллион, когда вот так, две цивилизации, большие, сильные, каждая со своим запасом топлива или еще чего-то, смотрят друг на друга, облизываются (пришло это слово откуда-то бесконечно издалека – облизываются), а потом кто-то кого-то в чем-то обвиняет, кто-то оправдывается, а потом кто-нибудь наносит первый удар...

Знаю.

Думаю, что останется от меня – когда это случится. Думаю, куда уйти, куда спрятаться, когда это случится, где затаиться – на время, что делать, когда все кончится, не станет ни сущности Бэ, ни сущности Це, только тепло – много, много тепла, и нужно будет собирать тепло – скорей, скорей, скорей, знать бы еще, как это сделать...

Анкета для сущности Эф. Задана при первом контакте сущности Эф и сущности Бэ.

Бэ: Как ты назовешь корм.

Эф: Я найду воздух и заставлю его дрожать, чтобы сначала получилось, будто песок шелестит, потом получилось, будто гудит небо перед непогодой, потом получилось, будто ветер воет, а потом чтобы получилось, будто камень падает в жидкую воду.

Бэ: Не понимаю. Как ты назовешь корм.

Эф: Вот так и назову. Могу еще назвать: начерчу на песке крестик, потом галочку, потом петельку, потом петельку наоборот.

Х-Л-Е-Б

Бэ: Как ты почувствуешь звезду.

Эф: Поймаю электромагнитные волны звезды, много раз пропущу через линзы и отражу, потом превращу энергию волн в энергию химической связи.

Бэ: Не понимаю. Зачем так сложно. Так не может быть.

Эф: Может.

Сущность Эф.

Это я.

Вот все вокруг: две сущности, которые обвиняют друг друга и готовы друг друга растерзать – это не я. И крохотный шарик, на котором записана сущность Икс – это тоже не я.

А то я.

И я должен придумать, куда спрятаться на время...

...стоп-стоп-стоп, какое – бежать, какое – прятаться, ка-

кое – хватать энергию, откуда у меня эти мысли, откуда, откуда, откуда, откуда...

Задание сущности Эф от сущности Эф:

Найти причину исчезновения источников энергии.

Раскрыть причину.

Не допустить боевых действий.

Из характеристики сущности Эф:

Всем показывает геометрическую задачу, которую еще никто не смог решить. Задачу решить невозможно, потому что не заданы условия.

Да, про меня.

Да, показываю. Только это не задача, это другое что-то. Это нужно показывать всем, всем, всем, вот такой рисунок, внизу круг, сверху крест – две линии под углом в девяносто градусов.

Я такое рисовал для Бэ и для Це.

И для Эф рисовал.

Все они кидались вычислять радиус, диаметр, длину окружности, сигналили мне число Пи до каких-то там миллиардных значений, длину отрезков, угол отрезка...

И все это было не то.

Не то.

Совсем.

А вот.

Знаю, что делать, знаю-знаю-знаю. Перерываю память, вернее, то, что осталось от неё за мириады лет, полувспоминаю-полупридумываю что-то безумное...

...одинокий путник летит через черную пустоту, спешит к далекой звезде, о которой ничего не знает – видит только её свет. Странник теряет силы, странник на последнем издыхании приближается к звезде, погасшей много лет назад...

Вот так.

Осталось только рассказать это им всем, всем...

Записываю в память.

Сущность Эф посылает запрос сущностям Бэ и Це.

А вот еще.

Про сущность Це расскажу.

Он приводил меня к погасшей звезде, выискал возле неё мертвую планету, потом долго бродил со мной над холодной пустыней, выискивал что-то. Нашел – почти случайно, показывал мне обломки колонн, испещренных причудливыми знаками.

Ничего не объяснял, – да я и не спрашивал. Что-то подсказывало мне, что он и сам точно не помнит, что там было...

Сущности Бэ и Це получили сигнал сущности Эф.

Готовы принять дальнейшие сигналы от сущности Эф.

Уже готовлюсь объяснить, что именно произошло там, там. Открываю память...

...блок памяти отсутствует.

Смотрю на сущность Икс.

Сравниваю сущность Икс, каким я его знал с сущностью Икс, каким я его вижу сейчас.

Спрашиваю у Икса, откуда он взял дополнительный объем памяти.

Получаю ответ.

Все понимаю.

Набрасываюсь на Икса с упреками, что делаешь, что делаешь, там важно было, очень-очень важно, а ты... Икс признает – виноват, виноват, а куда деваться, что сделано, то сделано...

Бэ и Це смотрят на меня.

Выжидают, что я скажу. И нужно что-то говорить, здесь, сейчас, немедленно, и как назло ни одной мысли, вертится в памяти что-то не к месту и не ко времени – А и Бэ сидели на трубе, к чему это...

А вот.

Разгадка приходит сама собой, я её не звал...

Сигнал от сущности Эф: Не было пропавших топливных шаров. Никогда не было. Всегда было три.

Сигнал от сущности Це: Так не может быть.

Сигнал от сущности Эф: Может.

Сигнал от сущности Це: Ни одна сущность не пройдет такой путь, растеряет тепло, уснет без тепла навсегда.

Сигнал от сущности Эф: Кто создавал путь? Для кого создавал путь?

А никто не знает.

Снова сигнал от сущности Эф: Значит, создавали те, кто переместится так далеко и тепло не потеряет.

Сущность Бэ готовится послать сигнал, что такого не может быть.

Не посылает.

Все замирают – и Эф, и Це, и Бэ, и Икс – смотрят в пустоту космоса, в бесконечность, ищут ответы, не задавая вопросов, ищут того, кто создавал путь, того, перед кем и Икс, и Эф, и Бэ, и даже Це – ничтожные песчинки.

Не находят.

Общий сигнал страха.

Анкета для сущности Це.

Как ты назовешь корм.

Це: корм сам назовет меня.

Как ты получишь корм.

Це: корм сам позовет меня.

Как ты чувствуешь.

Це: чувствую не я, чувствуют меня.

Как ты думаешь.

Це: думаю не я, думают мной.

Как ты почувствуешь звезду.

Це: звезда сама меня почувствует.

Сущность Эф:

Говорю.

Сам боюсь своего сигнала.

Обнаружен путь. Созданный недавно. Расстояние между источниками тепла в десять раз больше, чем было раньше на чужих путях.

Ожидаю сигналы страха – сигналов нет. Сущности Бэ и Це замирают, смотрят в пустоту космоса.

Сущность Ка перестала существовать.

Сущность Эл перестала существовать.

Сущность Эм перестала существовать.

Сущность...

...здесь будете еще много сущностей.

Запрос к сущности Эф от сущностей Бэ и Це:

Исследовать причину исчезновения сущностей в местах искривления пространства.

Ответ от сущности Эф:

Будет исполнено.

Будет исполнено... легко сказать, будет исполнено...

(это сигналы сущности Эф внутри самой сущности. Изредка сигналы переходят к сущности Икс)

Легко сказать – исполнено... не очень-то хочется самому соваться туда, где пространство сворачивается в трубочку... а собственно, почему сворачивается, кто его сворачивает, почему так происходит...

Нет данных.

Нет дан-ных.

Икс смотрит на меня, говорит:

А ты получишь данные.

И все будет хорошо.

Вот это у Икса здорово получается, говорить:

Все будет хорошо.

Даже когда умерла последняя звезда – нет, не последняя в округе, не последняя в пределах видимости, а совсем-совсем-совсем последняя, – мы выпили её свет, как пили свет других звезд, мы вырезали на её мертвой остывшей поверхности письма, что это была последняя звезда – Икс сказал мне:

Все будет хорошо.

И правда, всё было хорошо, – когда кто-то из нас додумался получать энергию из силы притяжения...

Вот сидит кто-то.

Ну, не сидит, может, лежит, может, стоит, может, висит, может, еще чего.

Кто-то.

Неизвестно, кто.

Сворачивает лист бумаги.

И так, и эдак.

Где свернет, там тепло.

Кто-то берет тепло, кто-то смакует тепло – а-а-а-ах, вку-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о – снова сворачивает лист бумаги...

...нет.

Конечно, не лист бумаги. У листа бумаги всего два измерения, а тут три, и вертит ими кто-то, как хочет.

И делиться ни с кем не собирается.

Так-то.

Сигнал от сущности Тэ: Пустота вывернулась.

Сущность Бэ ничего не предпринимает.

Сущность Це ничего не предпринимает.

Сущность Эф сомневается.

Сущности Бэ и Це шлют сигналы сущности Эф – ничего не предпринимать.

Уже знают, чем это кончится.

Знают.

Сущность Тэ и сущность Эс направляются к месту сгиба пространства.

Сущности Бэ и Це выжидают.

Пропадают сигналы от сущностей Тэ и Эс.

Сущности Бэ и Це даже не удивляются.

...неизвестной сущности, которая сворачивает пустоту с целью получения энергии присвоен знак Зет согласно мировой классификации.

Анкета для сущности Зет.

Как ты назовешь корм.

Нет ответа.

Как ты получишь корм.

Нет ответа.

Как ты чувствуешь.

Нет ответа.

Как ты думаешь.

Нет ответа.

Как ты почувствуешь звезду.

Тоже нет ответа.

...существование сущности Зет под вопросом.

Тишина.

Такая тишина, как бывает после конца вселенной.

Раньше мы не знали, как это бывает.

Теперь знаем.

Мы, все – сущность Бэ (это не я) и сущность Це (это не я), и сущность Эф (это я), и сущность Икс (это тоже не я).

Ищем сущность Зет, отчаянно ждем, когда где-нибудь еще изогнется мертвая пустота космоса – нет, нет, сущность Зет будто бы затаилась.

Или...

...или никогда и не было никакой сущности Зет, мы сам все придумали...

Сущность Бэ и сущность Це смотрят на меня с надеждой. Выжидают. Что я скажу, что я сделаю. Потому я и живу среди них, потому что думаю, потому что когда они смотрят в растерянности, я уже знаю, что делать.

Ищу места, где искривляли пустоту. Одно, два, десять, тысяча...

Сущности Бэ и Це спохватываются, волнуются, что делаешь, куда смотришь, тут давным-давно уже никого нет...

Знаю.

И смотрю.

Высчитываю.

...уверяет, что сущность Зет может находиться в точке пересечения линий, соединяющих места искривления пространства...

Сущности Бэ и Це осторожно спрашивают, да не сошел ли

я с ума, да точно ли собираюсь отправиться туда...

Точно.

Собираюсь.

Знак страха.

Еще.

Еще.

Еще.

Передача тепла от сущности Бэ к сущности Эф – девять-
сот единиц.

Передача тепла от сущности Це к сущности Эф – тысяча
единиц.

Перемещение сущности Эф в пункт назначения.

(при участии сущности Икс)

...да. Потихоньку протаскиваю с собой Икса, сам не знаю,
зачем, перебрасываю Иксу горсточку тепла, горсточку памя-
ти, – Икс говорит спасибо. Говорит не по-своему, по-моему,
как я его научил – Пусть Хранит Тебя Высшая Сила.

Признаюсь, что мне не по себе. В жизни бы никому
не признался. Только Иксу.

Икс говорит – все будет хорошо.

Ловлю себя на том, что прячу Икса вот поэтому. Чтобы
было кому сказать – все будет хорошо.

...прибыл в пункт назначения...

...сканирую пустоту. Хоть бы что-то попало мне, хоть бы, какая загвоздочка, зацепочка какая, – умершая звезда или камень, или отголосок чего-то, что было здесь мириады и мириады веков назад. А тут ничего. Ни-че-го.

Нет данных.

Двигаюсь в пустоте – наугад, сканирую пустоту – тоже наугад. Икс поворачивает куда-то вправо, вправо, зовет меня за собой, пошли-пошли-пошли, не сразу понимаю, куда, за чем...

Это здесь. Вот сюда...

Нет, он ничего не сообщал, это я ловлю его сигналы, почему он думает, что нужно двигаться сюда, почему, почему...

Замираю.

Шлю сигнал сущности Икс.

Сигнал приветствия.

Называю его по имени —

Зет.

Жду от него сигнала отрицания.

Не дожидаясь.

Сущность Бэ посылает запрос сущности Эф.

И сущность Це посылает запрос сущности Эф.

Сущность Эф не отвечает.

Сущности волнуются. И Бэ, и Це, волнуются, что случилось с Эф.

Перемещаются туда.

Оба.

Разом.

Из пункта отправления в пункт прибытия.

Сканируют.

Воспринимают.

Знак Икс. Знак равенства. Знак Зет.

Знак Эф.

Знак передачи энергии от к.

Знак Зет.

Запас энергии Зет – три тысячи единиц.

Сущность Зет исчезает.

Знак перехода сущности Зет из трех измерений в четыре.

Это новый знак.

Такого еще не было.

Сущность Бе и сущность Це не понимают, что происходит.

Сигнал от сущности Эф: пояснение: знак сущности Зет. Знак перехода. Знак четвертого измерения. Знак нашей вселенной. Знак другой вселенной. Знак энергии, которая есть где-то там, там, за пределами нашей вселенной.

Сущность Эф передает последнее сообщение сущности Зет:

Вернусь. Принесу тепло.

Знак пустоты.

Знак погасших звезд.

Знак сущности Бэ.

Знак сущности Це.

Знак сущности Эф.

Знак сомнения.

Знак надежды.

Стоп, снято

1

– Пусти... пусти-пусти-пусти...

Тибор зажимает уши ладонями, зачем он уши зажимает, голос-то не снаружи, а в голове...

2

Венкель просыпается. Поднимает голову. Голова не поднимается, отрывается от тела, падает.

Нет.

Показалось.

Венкель заставляет себя подняться с кровати – не получается, тело разваливается на куски.

Нет, не пил.

Вот это плохо, что не пил, если бы пил, все было бы понятно, куда уж яснее, выпил лишнего, вот и разваливается тело на куски.

Венкель хватается за соломинку, пытается вспомнить, может, подмешал кто-нибудь куда-нибудь, в кофе там или в чай – нет, никто ничего не подмешивал, не было такого.

Не бы-ло.

Венкель хватается за соломинку, вспоминает, как его избивали вчера – нет, не было, не было, никто не избивал, а бы-ло...

...было...

...ну да.

3

Фабиан атакует, Фабиан наступает, ближе, ближе, и люди Фабиановы – ближе, ближе, обступают. Еще ничего не делают, еще только говорят – сдержано, вежливо, это Фабиан может, бормочет вполголоса, будто мурлычет:

– Венкель... уважаемый... я вижу, вы по-хорошему не понимаете...

Венкель сжимает зубы.

Вдох-выдох.

Краем глаза смотрит на Тибора, Тибор стоит рядом, плечом к плечу, Венкель Тибора видит, а Фабиан со своими головорезами Тибора не видит, и это хорошо.

– Упорный вы человек, Венкель... вот нравятся мне упорные люди... уважаю...

В воздухе пахнет жареным – сильно, ощутимо, сейчас грохнет гроза, сейчас-сейчас-сейчас...

Тибор бледнеет.

Венкель шепчет Тибору – мысленно, конечно, Тибор и так поймет:

– Не бойся... ничего они тебе не сделают... я... не позволю...

Венкель говорит в пустоту – потому что никакого Тибора здесь нет.

Его вообще нет.

– Вот что, уважаемый Венкель... придется нам вас...

Венкель не дослушивает, Венкель не отвечает, Венкель вытягивает руки – что-то происходит, он сам не может понять, что, – пальцы Венкеля становятся холоднее самого льда, из кончиков пальцев вырывается мертвый холод, скывает окруживших людей. Венкель сжимает кулаки, он не хочет убивать этих, даром, что они... они... все равно не хочет убивать...

Венкель бежит прочь, – переплетения ветвей вытягиваются из стен, Венкель прикасается к ним, ветви умирают, закованные льдом. Бегом, бегом прочь из этого дома, вниз по лестнице, по улице, чуть подсвеченной огнями, домой, домой...

4

...Венкель снова приподнимается на постели.

Смотрит на руки. Ничего особенного, руки как руки, пробует подморозить одеяло, сам смеется своей попытке.

Выволакивает себя из плетеной постели, в изнеможении падает на пол, на переплетение ветвей, вот черр-р-р-т... Кое-как выискивает в телефоне номер, слушает гудки, только бы не провалиться в небытие, только бы...

– Слушаю вас.

Голос Фабиана. Как ни в чем не бывало.

– Э-э-э... я это... не приду...

– А что такое?

Никаких эмоций со стороны Фабиана. Совсем.

– — Э-э-э... болен я...

Что ж вы так... выздоравливайте давайте, вы нам живой нужны...

Вот так. И ни слова о том, что было вчера, как будто вчера ничего и не было. Венкель думает – может, и правда ничего не было, вообще как такое могло быть...

Ветер гонит по пустыне мелкую пыль вперемешку со снегом.

Серая пустота до самого горизонта. Пустота, чуть подсвеченная звездами.

В мертвом безмолвии появляется нечто – еще робкое, еще непонятное, еще само не понимающее, кто оно и что оно. Тут же исчезает – не получилось, не сложилось, не срослось. Думает немного – то есть, нет, еще не думает, еще нечем думать – снова проклевывается из пустоты. Теперь уже видно, что это колонна из чистейшего льда с кусочком арки и балюстрады. Замирает, будто раздумывает, быть ей или не быть, – тут же довыпускает арку, вторую, балюстраду, еще колонны, еще...

Дворец появляется из ниоткуда, думает, живет – мертвый, ледяной, но живет. Чуть погода из небытия возникает ледяная лестница, вернее, хочет возникнуть, но что-то мешает ей, лестница так и остается – призрачная, невесомая, изогнутая в пустоте. Что-то не пускает лестницу, что-то тормозит так и не состоявшийся город, что-то, что-то...

А вот.

В серой пустыне пробивается росток – тонкий, хрупкий, еще сам не понимающий, кто он и что он. Выпускает листочки, один, другой, третий, тянется к солнцу, ищет солнце –

солнца нет. Росток уже собирается заглохнуть – что-то не даст ему погибнуть, что-то заставляет его собрать волю в кулак, выпустить ветку, одну, вторую, третью, не к месту и не ко времени – цветок.

Лед сердится, лед пытается сковать хрупкое растение. Растение тоже сердится, не хочет умирать, корнями, корнями просачивается в лед, разбивает, разрушает... Лед не сдастся, лед выпускает из небытия колонну за колонной, арку за аркой, стену за стеной, лестницу за лестницей, лед уже не задумывается о красоте и гармонии своего вечного города, он старается захватить новые и новые пространства пустыни. Лед наступает, лед берет верх – сильно, властно, мощно – губит робкие ростки.

Трава не торопится. Трава затаилась. Ждет. Холод прислушивается к траве, насколько это возможно, холод пытается понять – что задумала трава, почему она не сопротивляется, никогда раньше не было такого.

Пробивается свет. Тусклый, робкий, бесконечно далекий, проклевывается, окрашивает горизонт в зеленоватые тона, потихоньку разрастается, лижет лед тонкими лучами – колонны истончаются, рушатся, солнце обглаживает арки, точит лестницы. Трава пробивается из песка, быстро, торжествующе, тянутся к свету огромные деревья, переплетаются ветви...

Солнце палит, жарит все сильнее и сильнее, иссушает деревья, жжет листья, губит так и не состоявшийся лес. По-

росль пытается спрятаться в земле, в песке, – палящее солнце иссушает последние выжившие корни...

Лед отступает.

Лес отступает.

Кто-то где-то вычеркивает – минус одна реальность.

Фабиан ждет.

Фабиан смотрит.

Вот Венкель подходит, вот берет тонкую пачечку страниц, листает, читает, Фабиан видит, как скользит взгляд Венкеля по строчкам, одна, две, три... И хоть бы что, хоть бы мимолетная морщинка на лице, хоть бы приподнятая бровь, хоть бы скривленные губы – а тут ничего, ничегошеньки-ничего, читает, будто инструкцию к мультиварке.

Откладывает листочки, кивает, мол, все понял. Фабиан настораживается, Фабиан спрашивает, может, вопросы какие, или еще что – нет, нет, все понятно, все хорошо, спасибо.

Фабиан смотрит Венкелю в спину, что он задумал, что он задумал, черт бы его задрал...

Фабиан ждет.

Фабиан смотрит.

Работа такая у Фабиана – ждать и смотреть. Это по ночам Фабиан оживает, просыпается, это по ночам у Фабиана загораются глаза – большие, желтые, совиные, это по ночам Фабиан из Фабиана превращается в творца миров – а днем Фабиан просто Фабиан, сидит, смотрит, наблюдает, ну, изредка крикнет что-нибудь, вы там вообще все с ума посходили или как – хорошо, что сегодня никто с ума не посходил, можно не орать.

Так что Фабиан выжидает, – растекся тушей по массивному креслу, руки на подлокотниках, наострил орлиный нос, чуть мерцают желтые глаза – смотрит. Вон стоят люди с автоматами, как-то нехорошо стоят, неправильно, а как надо – Фабиан не знает, как надо, ладно, пусть стоят, как стоят. Автоматы тоже какие-то... где такие вообще взяли... ладно, взяли и взяли. Чего ради они вообще с автоматами, это же музей, откуда здесь люди с автоматами... откуда... от верблюда. Вот так всегда у Фабиана, ночью приходят миры, миры, миры, которые кажутся живыми, настоящими, а при свете дня сказочные миры превращаются в рыбу чешую и черепки. Ладно, пусть стоят с автоматами в музее, может, не заметит никто, не спросит себя – какого черта. Да как не спро-

сит, еще как спросит, сеть запестрит комментариями, а о чем думал Фабиан, когда расставил автоматчиков в музее, о чем, о чем...

Венкель идет. Идет Венкель. Вот он, заходит в музей, поднимается по мраморным ступеням, да куда ты пошел, куда пошел, вход вон там... Это он куда это... Ах вот мы какие умные, мы к кассе пошли, в очередь встали билет покупать. Фабиан кипит и клокочет, Фабиан взглядами, взглядами сигналил Венкелю, ты же под гипнозом, куда ж ты поперся-то за билетом, ты же должен как зомби пойти в залы. Венкель тоже сигналил, тоже взглядами, взглядами, и чего, и чего, ну и завернут меня восвояси с криками а где ваш билет, вот я к кассе и пошел... Фабиан снова сердится, хлопает в ладоши, к черту, к черту все, к черту, давай сначала, вошел, поднялся по ступенькам, в залы пошел, в залы пошел, я сказа-а-а-ал, вот тут тебя остановят, спросят про билет, тогда и пойдешь билет свой покупать, ишь, какой правильный... Девушка на входе спрашивает Венкеля про билет, Венкель смотрит на девушку пустыми глазами, вот это здорово у него получилось, очень здорово. Девушка повторяет – билет, билет, Венкель идет к кассе, спотыкается, чуть не падает, это тоже вышло здорово. Венкель... Да какой, к черту, Венкель, Тибор, Тибор, уже нет никакого Венкеля, полчаса назад, может, еще немножечко был какой-то Венкель, а теперь только Тибор (клубничный чай, канапе с креветками), Тибор кладет деньги на кассу, вздрагивает, когда спрашивают – один? Кива-

ет, один, один, конечно, один, боится что-то сказать, боится своего голоса. Венкель (Тибор, Тибор!) идет в залы, ну какого черта он останавливается перед доспехами, какого черта смотрит на картину во всю стену, какого, какого... Нет, надо было провести Венкеля по музею – раз, два, десять, миллион, а то так и будет сейчас беспомощно тыкаться по углам, как слепой котенок.

Не тычется. Смотрит на ледяной дворец под стеклом, большими глазами (желтыми, как две луны) смотрит на стеклянный куб. Что-то нездешнее, неведомое, невидимое мечется там, под стеклом, ищет выхода, не находит. Замирает. Делает глубокий вдох. Хочет шагнуть к кубу – не может, в изнеможении садится на диванчики посередине зала, влюбленная парочка слева недовольно косится на Венкеля (Тибора! Тибора!), справа бухаются на сиденье толпа девчонок в розовых топиках, а мне мама такая как бы говорит, а ты как бы это в музей пойдешь, а я такая говорю, а на фига мне этот музей упал, а мама такая, а я тебя одну по городу шататься не пущу, а я такая, как будто я, блин, по всем кабакам пьяная шляться буду, а мама такая...

Венкель (Тибор) не слышит, не видит, голоса вокруг сливаются в нечленораздельный гул, Венкель (Тибор) заставляет себя встать. Идет – шаг, два, три, десять, кто-то отодвигает Тибора, а разрешите, щелкает ледяной дворец на смартфон. Тибор разрешает, у Тибора вся вечность впереди.

Фабиан ждет, Фабиан подбирается, как перед прыжком,

ну, же, ну...

Венкель чувствует Фабиана, Венкель чуть различимо поводит плечом, без паники, все по высшему разряду будет сделано...

Берет куб – медленно, плавно, как-то даже слишком плавно, Фабиан снова думает, громко думает, хоть бы руки у тебя потряслись, что ли, а то тут бесценный экспонат, а ты его хватаешь, будто кастрюлю у себя на кухне... Венкель (Тибор) думает в ответ, ага, руки потрясутся, вот я этими руками трясущимися и уроню все к черту. Но все-таки чуть-чуть подрагивает, самую малость. Фабиан думает – как это так получилось, или он насочинял себе, что может ответить Венкель, или они с Венкелем так давно плечом к плечу, что и так понятно, кто что подумал, кто что решил, или правда Фабиан слышит мысли Венкеля, вот так вот посадить их в разные комнаты, положить перед Венкелем пиковую даму, а Фабиан за стеной из колоды даму пик и выберет...

Ладно, не об этом речь. А вот. Венкель (который Тибор) берет куб, – люди замирают, люди еще не понимают, не верят, что вот так... Может, Венкель – работник музея, может, понес куда... Спыхватываются, бегут к Венкелю (Тибору!), это еще что такое, поставьте на место, люди вскидывают автоматы, щелкают затворы, или чего там в автоматах щелкать должно...

Венкель (Тибор) замирает. Фабиан сигналит, давай, давай, давай, давай, действуйте, люди с автоматами тоже ждать не будут,

когда ты решишься, у них инструкция, застрелят тебя к чертям и дело с концом. Что-то нездешнее, неведомое, невидимое настораживается, чует Тибора (Венкеля?), затихзает, настораживается, подбирается, готовое вырваться из куба.

Фабиан сжимает подлокотники. Ну же... ну...

Венкель (Тибор!) приподнимает куб, ищет, где он открывается, ну что ж такое, сколько раз показывали, как открывать, нет, бесполезно, что в лоб, что по лбу...

Ну же...

Ну...

Тибор (Венкель?) поднимает куб повыше, ледяной дворец жалобно вздрагивает, – миг – осколки разлетаются во все стороны, вдребезги, вдребезги, Фабиан хватается за грудь, черт, по сердцу, по сердцу, сердце вдребезги, черр-р-р-рт...

Выстрелы. Один, два, десять, миллион. Фабиан сжимает подлокотники так, что они трещат, смотрит, как стреляют – так его, так, так, чтоб неповадно было, черт, был бы у Фабиана автомат, он бы и сам по Венкелю зарядил. Не по Тибору, не по Тибору, нет тут никакого Тибора, один Венкель, черт бы его драл с потрохами...

Сам виноват.

Сам нарвался.

Нет, догадывался Фабиан, что Венкель что-нибудь такое выкинет, но не до такой степени, Венкель как всегда сам себя превзошел. Фабиан торжествующе смотрит на расprostертую на полу долговязую фигуру в луже крови, так его,

так, так...

– Стоп, снято!

Отлегают от сердца. Нет, не вдребезги, еще бьется, еще живет...

Фабиан переводит дух.

Люди как-то все обмякают, расслабляются, расползаются по своим углам, девушка-билетерша у входа нагибается, снимает туфли, в изнеможении садится на ступеньки, растирает ступни. Фабиан снова смотрит на Венкеля (Венкеля, Венкеля, никогда ему больше не быть Тибором!), почему он не встает, почему лежит на паркете, заснул, что ли, очень может быть, Фабиан вот тоже не помнит, когда последний раз нормально спал, правда что, посмотреть, что там отсняли, уползти домой, выключить телефон, и спать, спать, спать... А там что такое, почему люди тормозят Фабиана, почему кричат девчонки в розовых топиках, чего они там нажимают на своих смартфонах, какая, к чертовой матери, скорая, чего они там ищут жилку на тощей шее, что такое, что, что, что...

Фабиан долго собирался как перед прыжком, – теперь прыгает, выскакивает из кресла, бежит, расталкивая людей, теревит лежащего Венкеля, хорош уже придуриваться, вставай, кому говорят, напинаю щас, что значит, тело не трогать, это вам что, экспонат в музее, что значит, до приезда полиции, что значит...

8

– Где вы были, когда это случилось?

– Да вот... в кресле сидел.

– Кресло так и стояло?

– Да... а, нет, оно вот так было, чтобы я зал видел... а когда все случилось, я подскочил, побежал туда, где убили, кресло в сторону вот так поехало...

– Его убили... и вы к нему побежали?

– Да нет... по сюжету в него стрелять должны были, когда все случилось, мы и не шелохнулись никто... потом уже стоп, снято, минут пять прошло, спохватились, лежит, не шевелится...

– Оружие на площадке было?

Актеры смущенно косятся на пластиковые автоматы, полицейские с надеждой смотрят реквизит, вдруг попадетс я настоящее оружие – оружие не попадаетс я. Люди в форме прочесыва ют музей, никого не впускать, не выпускать, ищут автоматы, что-то подсказывает Фабиану – не найдут...

– Давно знали убитого?

Фабиан хмурится:

– Два года... как сериал шел... вот я сценарий писал, актера на главную роль искал... вот он подвернулся... Я потом с него героя списывал...

– Стойте-стойте, вы сначала героя придумали, потом Вен-

келя встретили, или...

– ...Да... нет... не... слушайте, чесслово, не помню я...

– Не помните?

– Не помню.

Полицейский бормочет что-то, кто их поймет, этих творческих людей, да они сами себя не понимают...

– Скажите... – полицейский хмурится, – конфликты какие-нибудь у вас с покойным были?

Фабиан хочет поспешно сказать нет, – тут же спохватывается, понимает, что не сможет сказать нет.

- Там это! Это!
- Чего такое?
- Да это же!
- А чего – это?
- Это – это!
- Да чего?
- Да это же самое!

Мальчишки орут, перекрикиваются, бегут, мамы орут, чтоб со двора не бежали, да какое там – бегут, только пятки сверкают, скорее, скорее, по главной улице, и к центру города, там же это... это самое...

Тпррру-у-у, стой.

Замирают возле оцепления. Осторожно приглядываются, как бы просочиться через ограждения, они же потихонечку, они же одним глазком, – не-е-т, люди в форме строго смотрят, чтобы никто не просочился, никто не пролез, ну, мальчишки и не лезут, так, глазами смотрят, а что, нет такого закона, что нельзя глазами смотреть. Смотрят, не понимают, что это за это такое, и почему из-за этого этого улицу перекрыли. Кумушки у ворот переговариваются, а чего там такое в центре, да кто ж его знает, вроде как аномалия какая-то, а я слышала, там пришельцы приземлились, да ты что, какие пришельцы, что ты несешь вообще, там вон земля разверз-

лась, и демоны ада вылезли. Да какие демоны, что вы мелете вообще, да ничего я не мелю, по телевизору же сказали...

– А дальше нельзя.

Таксист осторожно косится на пассажира, говорит:

– А дальше нельзя.

– А что такое? – Фабиан выволакивает себя из сна, смотрит в пустоту улицы.

– Оцеплено.

– А-а, ну-ну... – Фабиан выволакивает из машины массивное тело, идет к оцеплению, откуда уже выгоняют всех, всех, всех, кто-то рвется проехать, кого-то не пускают. Ну что там кричит таксист сзади, что ему нейдет, что...

Что такое?

– А... а там... а нельзя...

– А в чем дело?

– А-а-а-а... там это... это...

Таксист боится, таксист оторопело показывает на что-то неведомое, жуткое, белесое, облепившее город там, там.

Фабиан кивает, вижу, вижу, размашистым шагом идет к веревкам с красными флажками, даже не смотрит на белое, жуткое, лежащее на земле. Два человека в форме бросаются Фабиану наперерез, машут руками, нельзя, нельзя, Фабиан говорит два слова, Фабиана пропускают – вот так, сразу, без вопросов. Толпа любопытных на улице изумленно смотрит, как пропускают Фабиана, большого, массивного, грузного. Может, надо быть большим, массивным и грузным, чтобы

пропустили, да нет, вон толстяк какой-то просочиться пытался, не тут-то было, завернули, а он еще руками махал, а-а-а-а, я так всю жизнь на работу ходи-и-и-и-л, да что за беспреде-е-е-л, но его никто не слушал.

Ну да ладно.

Не до него.

И не до кого, и не до чего.

Главное – Фабиан. Вот Фабиан заходит за ограждения, охранники почтительно расступаются, кто-то спешит за Фабианом на полусогнутых, а можно автограф, на кого-то недовольно шикают, какой еще автограф, чего ты пристал, видишь, человек делом занят...

Да, Фабиан делом занят, Фабиан идет по улице, где лежит вот это белое, неведомое, и что-то белое хрустит под ногами Фабиана, он раньше и не знал, что это что-то может хрустеть. Человек в форме одергивает идущего, вы осторожнее, здесь опасно, что опасно, почему опасно, да вот же, человек в форме показывает наверх, на крыше нависло что-то полупрозрачное, острое, массивное. Вот-вот, упадет, голову проломит, мало не покажется. Фабиан кивает, спасибо, спасибо, идет дальше, кто-то снова сигналиит – осторожнее, Фабиан смотрит вверх, там ничего нет, совсем ничего, тогда что же... не додумывает, земля скользит под ногами, роняет Фабиана – массивная туша рушится в белое, холодное, рыхлое. Кое-как поднимается, отряхивается, оглядывается – что-то тут не так, что-то людей в форме не видно, рас-

сосались, расползлись кто куда, попрятались, что-то... Стена разверзается, из стены вырывается ледяное дыхание, Фабиан видит оскаленную ледяную пасть, ощеренную сосульками...

Стоп-стоп-стоп.

Недовольно хлопает в ладони, ледяная пасть меркнет, исчезает. Люди смотрят, люди ждут разноса, ну, сейчас начнется...

И верно, вот оно всё и начинается. Это что такое, говорит Фабиан, это что такое, я вас спрашиваю, наделали тут непонятно чего, какие-то пасти, зубы какие-то... ну откуда у них зубы, откуда пасть, в сценарии четко прописано – нематериальная субстанция. Нематериальная, а вы мне что сделали. Да мне-то что, что вы там представили, хоть за представляйтесь себе, мне надо, чтобы вы как в сценарии сделали, вот что... Люди смущенно отступают, художник по эффектам бледнеет, молодой еще, недавно сюда пришел, боится всего. Фабиан подходит к оскаленной льдинками пасти, бросает туда кусок сахара.

10

Тибор сжимает зубы.

Вдох-выдох.

Так еще отец покойный учил, когда все жилки трясутся, надо так – вдох-выдох.

Идет, прислушивается к себе, пытается понять – началось или не началось, нет, вроде бы еще нет. Доходит до перекрестка, огибает женщину с коляской, останавливается, нашаривает в кармане телефон, да, слушаю, ага, ага, уже иду, сейчас буду. Хочет перейти улицу, на секунду замирает у витрины, смотрит на расставленные там часы, хочет шагнуть на переход...

Вот оно.

Здесь.

Сейчас.

Сжимает голову в ладонях, сгибается пополам, как от сильной боли, скрипит зубами, с трудом выжимает из себя:

– Пус... пус-ти... пус-ти... пус-ти...

Люди осторожно обходят Тибора, кто-то пугливо косится, дамочка на каблучищах делает крюк, чтобы подальше от Тибора, а то мало ли, еще не хватало, на людей кидаться начнет.

– Пусти... пусти... – срывается на крик, на хрип, – отпусти! Отпусти!

Падает на колени, сильнее зажимает голову ладонями, стискивает зубы. Прохожие шарахаются в стороны, кто-то набирает какой-то номер, алло, тут человеку плохо, да не знаю я, что случилось, да я его первый раз вижу...

Тибор срывается с места, бежит через дорогу, опротя – визг тормозов, лай сирен, куда прешь, вообще жить надоело или как...

Тибор в изнеможении прислоняется к стене, переводит дух.

Вдох-выдох.

Прислушивается к себе.

Вроде отпустило. Да не вроде, а отпустило, ушло, ушло, ушло...

Фабиан хлопает в ладоши, стоп-стоп-стоп.

Тибор исчезает, Тибора больше нет, остается Венкель, растерянный, испуганный, смотрит на Фабиана, ну, сейчас начнется...

(Вдох-выдох)

И правда, вот оно, начинается, ты чего творишь, ты чего творишь-то, ты еще в судорогах забейся посреди улицы, чтобы тебе неотложку вызвали. Венкель не понимает, Венкель осторожно спрашивает – а как надо, уже делает крохотный шагок в сторону ограждений, сейчас покажут на выход, точно, сейчас покажут...

Фабиан сердится, что ты творишь, что творишь, ну вот же, идешь по улице, спокойно так себе идешь, и тут за голову

хватаешься, неприметно так, а потом шепчешь тоже неприметно, про себя – пусти, пусти, пусти. Вот так. Чтобы люди и не подумали, что с тобой что-то не то, вот в упор посмотрят – не поймут, а зрители видят, куда уж яснее видят, что ты на грани...

Венкель не согласен, Венкель хмурится, Венкель возражает, да как это, да он же наваливается на сознание, да было же...

...осекается.

Бормочет какие-то извинения, отступает в сторону. Схватывается, спрашивает сам себя, а что это было, а ничего не было, да нет же, было же нечто, навалившееся на сознание, было же – пусти-пусти-пусти...

Фабиан возвращается домой, долго возится с ключами, долго открывает двери, заходит, долго возится, чтобы закрыть, недовольно оглядывает большой зал, на кой черт слугу отпустил, на кой, на кой. Ладно, не до слуги сейчас, не до кого, не до чего... Фабиан поеживается от холодка, включает камин, зря, что ли, купил, – призрачное пламя пляшет на экране.

– Спаси меня...

Фабиан зажимает уши руками, черт побери, опять этот голос, опять, опять, опять.

– Я умираю... пожалуйста... спаси меня...

Фабиан проходит на кухню, щелкает чайником, черт, в чайнике воды нет, черт, черт, черт. Наливает кофе, накрывает на стол, зачем-то ставит два прибора, зачем, зачем, зачем...

– Пожалуйста...

Фабиан вспыхивает:

– Да ты дашь мне пожрать или нет? Спаси его... только и делаю, что его спасаю...

Сгущается тишина, нехорошая какая-то тишина, недобрая. Фабиан щелкает пультом, в комнатах и на лестницах вспыхивает свет, так-то лучше. Нет, тоже нехорошо, поменьше света, вот так – загораются маленькие светильники под

старину. Что-то еще нужно было... что-то... что-то... а, ну да, чайник надо было еще один купить, наверх, в спальню, и холодильничек маленький, чтобы по сто раз туда-сюда в кухню не бегать...

Фабиан прислушивается.

Фабиану не по себе.

Оглядывается, окликает:

– Ты... ты здесь?

Тишина.

– Э-э-эй, ты тут, а?

Нет ответа.

– Слушай, ты хорош уже, ну видишь же, домой чуть живой пришел... тебе-то хорошо, тебе-то жрать не надо... – Фабиан говорит, тут же спохватывается, задумывается, да правда ли ему, этому не надо есть, а может, надо, а может, он кормится от Фабиана, ну как-то так, что Фабиан ест, а этот получает еду... Фабиан на всякий случай кладет себе на тарелку еще два шницеля, поливает грибным соусом, а то Тибору есть надо, Тибор измаялся весь.

Тибор...

Фабиан спасет Тибора.

Сегодня же. Вот прям щас, поднимается в спальню, включает ноут, устраивается поудобнее на постели, серия двенадцатая, акт четвертый, общим планом – Исторический Музей, его надо показать чуть-чуть сверху. Камера смотрит на толпу, снижается, выхватывает из толпы Тибора, вот он

идет, то и дело замедляет шаг, боится чего-то. Камера... так и слышится в памяти голос препода, бить буду за камеру, нет таких слов в сценарии, а какие тогда, спрашивается, есть... А плевать хотел Фабиан на этого препода, и на всех хотел плевать, вот как хочет, вот так и пишет, понятно, да? Итак, Тибор поднимается по ступенькам, проходит в зал, лицо Тибора крупным планом, зрачок Тибора нервно пульсирует (у Венкеля это здорово получится), потом камера смотрит на ледяной дворец под стеклом, приближается, Тибор идет к стеклянному кубу, под которым ледяной дворец. Вот так. Здесь еще парочку-троечку эффектов добавить, чтобы показать, что там, внутри куба, что это не просто ледяной дворец, что там что-то живое, оно думает, чувствует, слышит и видит Тибора, зовет Тибора, полностью повелевает его разумом. Средним планом – Тибор хватает куб, – вот так, на глазах у всей толпы. Секундное замешательство, камера выхватывает из толпы несколько лиц, охранники с автоматами скидывают оружие, немедленно поставьте экспонат. Вот тут зритель должен понять, что если Тибор не подчинится, его застрелят на месте, вот так, всей толпой расстреляют. Крупным планом лицо Тибора, – наваждение ненадолго отпускает его, но уже поздно, поздно, теперь одно из двух – или открыть куб, или погибнуть, обратной дороги нет...

Пауза.

Немая сцена.

Слышно, как секунды капают в вечность.

Тибор открывает ящик, вот так, раз, и все, – нечто вырывается из хитросплетений ледяного дворца, это нужно показать как-нибудь, что зритель ничего не видит, не слышит, но понимает – нечто вырывается из куба...

... Фабиан переводит дух, снова шарит по тарелке с пончиками, как ничего нет, быть не может, чтобы ничего не было, только же что полная тарелка стояла. Нет, надо холодильник сюда, полцарства за холодильник и чайник тоже...

Фабиан протягивает руку в пустоту, уже знает, что никто не ответит на рукопожатие, но все-таки надеется сам не знает, на что.

– Все... все в порядке... я тебя спасу... ты будешь... будешь жить...

12

Год, два, десять лет...

...нет, слишком мало.

Сто лет.

Мало.

Пятьсот.

М-мало.

Кто-то смотрит в будущее, перебирает года. Века. Все еще не верит, что там, впереди, ничего нет, только дремучие леса, в ветвях которых выют гнезда люди.

Нет.

Не может быть.

Тысяча лет.

Две.

Три.

Должно же быть где-то там... впереди...

Венкель выходит за ограждения. Толпа расступается – испуганно, почтительно, люди переглядываются, перешептываются, тихохонько-тихохонько, чтобы Венкель не заметил, щелкают на телефон, еще, еще, еще. Венкель не замечает, Венкелю не до телефонов, не до кого, не до чего, Венкель идет в кафе, в кофейно-кафейный полумрак, заказывает горький шоколад, заказывает рыбу и мясо, люди у прилавка не понимают, переспрашивают, нет-нет, никакой ошибки – рыбу и мясо.

Венкель смотрит на рыбу и мясо, пытается понять, что он только что сделал, что он заказал, что вообще происходит. А главное, кто это сделал, еще Венкель или уже Тибор.

Нет, все-таки Тибор, вот он сидит на стуле рядом, режет рыбу, режет мясо, нанизывает на вилку кусочек того, кусочек другого, ест. Вернее, и не режет, и не ест, не может он резать и есть. А вот Венкель режет и ест, у Венкеля это хорошо получается. Раньше Венкель оставлял на тарелке кусочки для Тибора, даже по двум тарелкам раскладывал – теперь уже так не делает, понимает, не надо Тибору ничего такого, Венкель ест, и хватит того Тибору.

Тибор молчит, как-то нехорошо молчит. Венкель уже знает, Тибор молчит по-разному, когда вот так – пофыркивая, покусывая кулак – значит, разговор будет серьезный, мало

того – неприятный разговор будет.

Вот здесь.

Вот сейчас.

– Ты хоть понимаешь, во что ввязался вообще?

Это Тибор. Вот так. С ходу.

Венкель хочет спросить, во что ввязался – не спрашивает, и так все понятно. Сжимает зубы. Нанизывает на вилку кусочек рыбы, кусочек мяса, ест, делает вид, что ничего не случилось, что никто ничего не говорил.

– И не делай вид, что меня не слышал.

Венкель поднимает голову, дает Тибору последний шанс сделать вид, что ничего не случилось:

– А?

– Бэ. Хоть понимаешь, во что ввязался?

– А что?

– А то... тебе эта работа не нужна, что ли?

Венкель мотает головой:

– Как будто последняя работа на свете... Вон, дворник в кафе нужен...

– Да я серьезно.

– И я серьезно. Вон... агентство проводит кастинг на роль...

– ...да нет, ты хоть понимаешь, что если тебя за дверь выпнут, меня тоже не станет?

Венкель задумывается, это он как-то не учел, да он много чего не учел, глупый, глупый Венкель, правильно отец гово-

рил, тебе только метлой махать...

Венкель сжимает кулаки, на бескровном лице проступают веснушки.

– Станешь ты... станешь... Я сам фильм сниму... какой захочу...

– Ага, снимешь ты...

– А что такое, по-твоему, мне только метлой махать?

– Да какой метлой, что ты, сразу... ты хоть понимаешь, что такое целый фильм снять... Нате вам, год на съемочной площадке помыкался, думает, ему только камеру в руки дай, он шедевр снимет...

– Ну, не сразу... учиться буду... лет через пять... десять... двадцать...

– Через двадцать ты про меня и не вспомнишь уже.

– Куда я от самого себя денусь...

Венкель спохватывается, Венкель спрашивает самого себя, вот как он сейчас это все говорил – вслух или не вслух, а может, так увлекся, что беззвучно открывал рот, или жестикулировал, или еще что. Оглядывает кафе, вон парень с девушкой сидят у окна, смотрели они на него только что или нет, а вот две женщины на кассе, считают что-то – смотрели они сейчас на Венкеля или нет, а если смотрели, то, что видели, может, видели, как Венкель воодушевленно беседовал с Тибором, а может (ужас-ужас) и самого Тибора видели... Венкель не может стряхнуть с себя наваждение, снова и снова упорно повторяет себе – не могли они видеть ни-

какого Тибора, не существует никакого Тибора, – и ничего не получается, не уходит беспокойная мысль, что Тибор где-то есть... да не где-то, а вот он, сидит за столом, и Венкель с ним только что говорил, а теперь не говорит, невежливо это...

...а вот.

Фабиан.

Вот он сидит за соседним столиком, заставленным чем-то аппетитным, дразнящим, смотрит на своего работника, глаза у Фабиана большие, желтые, как у филина, вот Фабиан желтыми глазами и смотрит. И черт его пойми, что он видел, и, кажется, что уж Фабиан-то точно видел Тибора, и самое страшное, если не только видел, но и догадался, что это НЕ ТОТ Тибор.

А Фабиану догадаться раз плюнуть...

– Ты уж как-нибудь поосторожнее, что ли... Ну не так откровенно, что ты сразу – сценарий рвать, скандалить...

Это Тибор. Венкель шикает на Тибора, мысленно шикает, молчи уже, видишь, смотрят на нас, смотрят. И вообще, что ты мелешь такое, когда это я сценарий рвал. Ну, еще не рвал, ну, порвешь, какая разница...

Фабиан пересаживается к Венкелю, перетаскивает свое массивное тело, плюхается на кресло.

– В роль вошел?

Венкель чувствует, что краснеет. Все-таки размахивал руками, все-таки говорил что-то беззвучно, а может, и шепочком.

том. Нет, надо себя контролировать, надо, – легко сказать, контролировать, когда начинается – Камера-мотор-начали – не до контроля там, не до мыслей – сейчас-я-встану-вот-так-и-сделаю-вот-такое-выражение-лица – там фантазия срывается с цепи, там уже нет никакого Венкеля, только Тибор...

– И как тебе Таймбург?

Венкель вздрагивает. Не ожидал такого вопроса от Фабиана, не ожидал. Умеет Фабиан огорошить, умеет.

– А дворцы как?

– Да вообще... Я думал, в сказку попал...

– У вас там, в Букбурге, тоже, говорят, красиво...

– Да ну, не сравнить... небо и земля.

– Чего ты, парень, нельзя так про городок свой... городок свой любить надо... я вот из Кэпбурга, я так считаю, лучше наших чашек с чайниками вообще нет ничего.

– Чашек с чайниками?

– Ну да, там дома в виде чайников... видели, наверное.

– А-а-а, что-то припоминаю....

– Ну, вот видите... красота какая... дворцы, замки... а если бы не сущность...

Тибор не выдерживает, Тибор врывается в разговор, венкелев Тибор, конечно, не сам, а через Венкеля:

– Другие бы дворцы были... и замки...

Венкель мысленно хлопает своего Тибора по спине, чего влез, чего влез, чего не сиделось, чего не елось, чего не пилось, надо было влезть...

– Да когда бы они были вообще... и какие бы они там были... – фыркает Фабиан.

Венкель переводит дух. Обошлось. Вроде бы. Фабиан смотрит на пустое кресло, где должен сидеть Тибор, смотрит, видит Тибора, черт возьми, видит, весь вопрос – какого Тибора, того или не того.

В кармане снова дрожит телефон, Тибор долго не может ответить, перебирает клавиши, пальцы у Тибора длинные, быстрые, непослушные. Наконец, отвечает, да-да-да, уже, уже иду, иду, сейчас буду, вот уже сейчас-сейчас-сейчас. Бежит по мосту, огибает площадь, на которой возвышается Мировое Дерево, спешит к переходу – два дерева сплетают свои ветви, Тибор переходит по ветвям, ветви снова расплетаются, деревья выпрямляются к солнцу. Тибор спешит, вот черт, перекрыли дорогу, ветви переплелись, какая-то там важная персона едет, разъездились там, Тибору пройти негде.

Ветви, наконец, расступаются, Тибор спешит, снова дрожит телефон в кармане, да буду, буду я, да сейчас, сейчас, вот черт, первый день съемок, и нате вам, опаздывает, безнадежно опаздывает. Сворачивает в проулок, в другой, в третий, где эта студия, черт бы её побрал, где студия, студии нет. Ноги Тибора погружаются во что-то зыбкое, рыхлое, белое, это еще что такое может быть... Тибор идет, осторожно, шепотом-шепотом, что-то подсказывает Тибору, что по этому рыхлому надо идти осторожно, чтобы не упасть. Тибор касается стены, – ч-черрр-р-рт – отдергивает руку, холодно, холодно, раньше Тибор и не понимал, как это бывает, когда – холодно.

А вот.

Холодно.

Тибор хочет свернуть на проспект – понимает, что проспекта нет. То есть, как это нет, вот он, на своем обычном месте, если это можно назвать проспектом, безумные, причудливые, твердые нагромождения из холодного, белого – полупрозрачные колонны, белые стены, причудливые узоры на стеклах, похожие на сказочные леса. Взгляд Тибора скользит по высоченной изонутй лестнице, уходящей, казалось, в небо, замирает на исполинском круге, по которому ползут три стрелы. Часы – проскальзывает в голове Тибора ни с того ни с сего, часы. Почему часы, как часы, откуда часы – непонятно, в жизни Тибор не видел, чтобы часы выглядели так.

А вот – часы.

Тибор торопится назад, назад, назад, хватается за остатки здравого смысла, если пойти назад тем же путем, снова будет город, привычный город, шумящие деревья, живая жизнь, тепло, тепло, тепло. Вспомнить бы еще, где сворачивал, вот здесь или чуть дальше, нет, все-таки вот тут, а теперь...

Тибор замирает. Возвращается из переулка на улицу, улицы нет, вместо неё круглая площадь, покрытая стеклом, нет, это не стекло, это другое что-то, по которому идешь, скользишь, падаешь, ай-й-й- че-р-р-рт, б – б-б-ольно, а люди как не падают, да не просто не падают, у них вообще какие-то лезвия на обуви, вот они в этих лезвиях скользят и на Тибора косятся. Тибор уже и сам на себя косится, еще бы

не коситься, все в мехах, еще в чем-то таком непонятном, причудливом, а Тибор в легкой рубашонке, холод пробирает до костей. Тибор мечется по городу, который не город, а не пойми, что, холодное, белое, полупрозрачное-полупризрачное. Натывается на прохожего в меховой шкуре, подбирает слова, спрашивает, а как пройти к... э-э-э... гхм... к городу... да к какому городу, к какому городу, вот он город, тогда что же... наш город... тоже не то... а вот, где студия, студия... Прохожий оторопело смотрит на Тибора, говорит что-то – Тибор не понимает, только сейчас спохватывается, что никогда не слышал этот язык... Тибор переходит мост, оглядывается, зря прохожего отпустил, зря, хоть бы жестами с ним договорился, что ли. Не паниковать, не паниковать, найти какое-нибудь кафе или еще что-нибудь в этом роде, где тепло, пересидеть, переждать, обдумать... Тибор оглядывается, прислушивается, причувствуется, показалось... нет, не показалось, точно, вон оттуда, из переулка веет чем-то знакомым, родным, вот оно, вот, вот, запахи леса, запахи трав, чего-то такого, что бывает по утрам, когда солнце только-только вот встало. Тибор бежит по рыхлому, белому, по рыхлому-белому бежать трудно, под рыхлым-белым просвечивает стекло, которое не стекло, швыряет Тибора на тротуар, че-р-р-р-р-р-рт... Скорее, скорее, что-то подсказывает Тибору, что если замешкаться, это родное уйдет, испарится, потом ищи-свищи...

Здесь.

Вот тут.

Совсем рядом.

Тибор спотыкается о ветви, ветви расступаются, недовольно шипя, Тибор падает в траву, живую, теплую, нагретую солнцем.

Переводит дух.

Телефон надрывается в кармане, непринятых вызовов – до фига, время, время, почему прошло три часа, Тибор метался в ледяных чертогах минут пять, не больше. Откуда вообще взялось это словечко – ледяные...

Я здесь.

Тибор замирает. Уже почти дошел до студии, и вот оно, нате вам, – я здесь.

Голос.

Из ниоткуда.

Тихий, едва различимый, вообще не поймешь, был он или нет...

– Я здесь...

Был...

Стоп-стоп-стоп, да что ж такое-то? – Фабиан хлопает в ладоши, толстые, мясистые, вперевалочку идет к Тибору, который уже не Тибор, Венкель, Венкель, – вот так, значит, да? У вас герой что?

– А что такое?

– А то такое! Да он что видел, он чуть с ума не сошел, он тут еще полдня в баре сидеть будет, в себя приходиться!

– Так на работу же надо...

– И чего, на работу надо, вот вас до смерти напугать, вы встанете, отряхнетесь, на работу пойдете, так, что ли?

– И пойду... вон, сюда шел, под машину попал, и ничего...

Фабиан смотрит, Фабиан не верит себе, смотрит на Венкеля, а верно ведь, прихрамывает, слегка-слегка, что у него там, какое еще растяжение, как он вообще на ногах держится, а ведь держится... И самое время сейчас показать ему на дверь, хватит уже, еще не хватало, чтобы актеришко права качал. Это уже слишком. Нет, даже вчера еще было – уже слишком. Когда Тибор свернул в городское хранилище, в библиотеку, что он там забыл, что он там ищет, перебирает свитки, один, два, десять, что он там смотрит, какая еще война с северным ветром, ну ты сам подумай, чего ради он войну с северным ветром искать будет?

Венкель разводит руками, а вы как хотели, врага надо в лицо знать, вот увидел Тибор эту сущность с севера, этот ледяной город из ниоткуда, надо же разобраться, что такое, в самом-то деле...

Вот так.

И не показывается на дверь, а ведь верно, вот чего не хватало-то, Тибор, он же и правда вот такой, его машина собьет, он отряхнется и пойдет дальше...

Черт с вами.

– Это Фабиан. Смотрит на Венкеля ненавидящими глазами, говорит:

Черт с вами.

– Уважаемые туристы, давайте пройдем в следующее помещение. С первого взгляда этот зал ничем не примечательный, его даже можно перепутать с Лазуритовыми Покоями. На самом деле этот зал настолько знаменит, что люди со всего мира съезжаются в столицу, чтобы увидеть его своими глазами. Вы, наверное, уже обратили внимание, что стены этого зала – причудливое переплетение осенних ветвей, между которыми – кристаллики льда. Необычайно красиво, правда? Этот зал построен по совместному проекту двух архитекторов – одного из них вы знаете, это знаменитый Октахор Симплекс, памятник которому мы сегодня видели, помните? А кто был вторым архитектором, кто подскажет?

– Сущность севера!

– Верно говорите! Сущность! А для чего был построен этот знаменитый зал?

– Э-э-э... договор подписывали!

– Правильно! А какой?

– М-м-м...

В зале зажигается свет, тусклый, приглушенный, как будто сомневается – а состоится ли встреча. Ночь замирает, затихает, прислушивается, – ждет.

Тишина.

Никого и ничего.

В узком окне полная луна доходит до самой-самой верхушки своего ночного пути, замирает на верхушке башни.

Полночь.

Левая дверь открывается, входят четверо, бледные, напуганные, кутаются в меха, кто-то намекнул, кто-то подсказал – надо кутаться в меха.

Кутаются.

Оглядываются.

Рассаживаются на массивных шкурах, которые тоже запасливо принесли с собой, кто-то хочет развести огонь, кому-то говорят – нельзя-нельзя, не здесь, не сейчас.

Люди разворачивают свиток, чтец читает условия договора. Его одергивают, кому читаешь, кому, кому, нет же никого – он пожимает плечами, велено читать...

Писарь вынимает перо, ставит росчерк.

Все замирают.

Ждут.

Координатор бормочет сам не знает, для кого:

– Не придет он... не придет...

Остальные и сами понимают – не придет. Ждут чего-то, сами не знают, чего. Страж сжимает клинок, оглядывается, понимает, что никакой клинок не поможет против того, что придет...

Холод. Не такой холод, как бывает ночью, легонький холодок – а настоящий, мертвый, холод севера. Правая дверь не откроется, никто не войдет, это уже понятно, потому что – он здесь.

Совсем рядом.

Свиток покрывается инеем, замерзает, люди поеживаются, кутаются в шкуры, придвигаются друг к другу.

Холод уходит. Люди растерянно оглядываются, не понимают, как уходит, почему уходит, а как же, а что же, а...

– Смотрите!

Это ттец. Показывает на свиток, на котором отпечаталась еще одна роспись, оставленная непонятно чем.

– Вот так, уважаемые туристы, была поставлена точка в величайшем противостоянии двух миров. Стороны подписали договор о разделении времени. Это произошло по инициативе...

Венкель просыпается, выволакивает себя из постели. Спрашивает себя, кто он, Венкель или не Венкель. Нет, наверное, все-таки Венкель, хотя нет, Венкель бы еще полчаса в кровати повалялся. Одевается второпях, вещи разбросаны, вот это точно Венкель, хотя нет, Тибор тоже так же что с полу подберет, то наденет.

Венкель размешивает кофе, вот это точно Венкель, Тибор бы кофе заваривал. А кстати, откуда у Тибора время кофе заваривать, Тибору что, заняться больше нечем, кофе заваривать, Тибор утром вскочил и на работу побежал быстро-быстро...

Венкель надевает чисто выглаженную рубашку, а вот это уже не Венкель, это уже Тибор, у Венкеля отродясь чистых рубашек не было, Венкель бы сейчас вынюхивал, в чем еще можно пойти, а в чем уже нельзя.

Рука сама тянется проверить, закрыл дверь или нет, Венкель одергивает себя, нет, нет, нет, не проверяй, это Тибор проверять будет, не Венкель, не Венкель. А вот хлопнуть по кнопке лифта, а потом, не дожидаясь, кинуться вниз по лестнице – это Венкель, Тибор бы просто спустился по лестнице...

18

...просто спустился по лестнице, это плохо, Фабиан по лестнице не спускается, Фабиан лифт вызывает, даром, что со второго этажа на первый спуститься всего-ничего. Нет, Фабиан лифт вызовет, а вот так вот по лестнице будет спускаться не Фабиан, а Тибор.

Это плохо, что Тибор.

Очень плохо.

Странное дело, раньше радовался, когда Тибор, когда утром выпивал единственную чашку кофе и спешил на работу – радовался, значит – Тибор. А теперь усилием воли заталкивает в себя завтрак, плотный, сытный, как в старые добрые дотиборовские времена, яичницу, непременно чтобы из трех яиц, и бекон, непременно чтобы бекон, и много еще чего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.